

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

А.р. 1253(2)

4

Ф Е В Р А Л ь

1 9 2 7

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕДОВАЯ.—О борьбе с бюрократизмом	3
А. САРАДЖЕВ.—Интеллигенция и пролетариат	8
Н. СЛЕПНЕВ.—«За что боролись?»	17
М. ТЕТЕРИН.—Дорогу творческой самостоятельности масс!	28
В. ЗАВЬЯЛОВ.—О характере безработицы среди молодежи	38

Дискуссионный отдел

ГЕНРИХ Б-н.—Эпоха великого дела	49
---	----

Фельетон

Ц. ГУГУРЕВ и Р. ВИКТОРОВ.—Типы комсомольцев	60
---	----

Бритика и библиография

С. ШМЕРЛИНГ.—Henri Glass	69
А. ГОРУНОВИЧ.—Регулирование труда молодежи	70
Список книг, поступивших для отзыва	71

4. 6. 18235

Выходит с 1918 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

ТЕОРЕТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
Ц К В Л К С М

ФЕВРАЛЬ

№ 4

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1927

Ac. p. 1253(2)

Отпечатано в типогра-
фии „Э М Е.С“ Москва,
Покровка, 9. Тел. 2-72-14
Главлит 81397 Тир. 4.500

О борьбе с бюрократизмом

Почему сейчас, на десятом году существования Советской власти, вопрос о борьбе с бюрократизмом в государственном и хозяйственном аппарате приобрел жгучую злободневность, почему он становится в центре внимания всей советской общественности, почему на борьбу с этим злом партия, государство и профсоюзы обращают сейчас особое, усиленное внимание?

Это происходит, во-первых, потому, что в то время, как во всех областях хозяйственной и культурной жизни страны мы достигли крупных успехов, ясно осязаемых, в области борьбы с бюрократизмом мы почти не подвинулись вперед. Бюрократизм, заставший, почти не уменьшающийся, свивший себе прочное гнездо в ряде учреждений, входит в резкое противоречие с достижениями Советской страны. Ленин уже давно подметил, что как раз в этой области мы движемся наиболее медленно:

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в областях чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, которая культивировалась, главным образом, и даже почти исключительно, теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу» (Ленин, т. XVIII, ч. 2, стр. 124).

Вот эта косность наша, эта боязнь перед канцелярщиной, перед сложным делопроизводством и бумаготворчеством послужили одной из причин того, что до сих пор в борьбе с бюрократизмом мы еще очень незначительно подвинулись вперед.

Во-вторых, борьба с бюрократизмом становится сейчас актуальной потому, что бюрократизм является одним из важнейших тормозов на пути проведения режима экономии. Разбухшие штаты,

многопудовая отчетность, сложная система канцелярских отношений, никому ненужная, а зачастую и вредная, — все это стоит денег, все это поглощает значительные средства, которые с успехом могли быть использованы для дела индустриализации страны.

Но это только часть дела. Другая же сторона этого вопроса заключается в том, что подлинный режим экономии может быть произведен лишь на основе большой рационализаторской работы, лишь на основе радикальных изменений во всей системе управления. Бюрократизм же, с его косностью, консерватизмом, с его сопротивлением всякому новшеству, всякому новому веянию, сопротивляется этой рационализаторской деятельности и тем самым мешает широкому осуществлению режима экономии.

Борьба с бюрократизмом становится сейчас особенно важной и необходимой, в-третьих, потому, что растет сопротивление масс трудящихся против него. Подъем страны, происходивший в течение последних лет и происходящий сейчас, отразился на потребностях и запросах населения Советского Союза. Каждый трудящийся сейчас в большей или меньшей степени осознает свои права и возможности, предоставленные ему пролетарским государством. И он не хочет терпеть надругательства над собой, административного произвола, власти бумаги над человеком. Он не хотел этого терпеть и раньше. Но сейчас это нежелание все чаще и чаще претворяется в активное действие. Сталкиваясь непосредственно, лично, с бюрократическими извращениями, рабочий или крестьянин нередко воспринимает их, как злое издевательство, как надругательство над ним, над его правами. И этому издевательству рабочие и крестьяне хотят положить предел.

Наконец, борьба с бюрократизмом становится сейчас особо актуальной потому, что это зло является одним из наиболее крупных препятствий по пути социалистического строительства в нашей стране. Двигаться к социализму наша страна может только в том случае, если широчайшие массы трудящихся будут принимать активное участие в повседневном строительстве, если лозунги социалистического строительства будут поняты массами, если это строительство станет их родным, близким и понятным им делом.

А бюрократизм препятствует этому. Он отделяет власть от трудящихся масс. Самые лучшие идеи, самые прекрасные проекты, самые хорошие законы, изданные пролетарской властью, бюрократизм может извратить и испоганить. А массы трудящихся судят не по писанным законам, а по их реальному претворению в жизнь. Таким образом бюрократизм создает разрыв между законами и их выполнением, который в конечном счете может привести к разрыву между властью и трудящимися массами.

По всем этим причинам задача борьбы с бюрократизмом становится сейчас злобой дня. Недавно опубликованные т. Орджоникидзе в его докладе на пленуме ЦКК письма Ленина еще раз подтверждают, какое громадное значение придавал борьбе с этим злом Владимир Ильич. А это еще и еще раз вынуждает нас напрячь всю нашу волю, всю нашу энергию, все наши силы для упорной, повседневной, систематической борьбы с этим злом.

Однако, было бы наивно и вредно представлять себе и изображать другим, что с бюрократизмом можно покончить в месяц или даже в полгода, изгнав из аппарата наиболее матерых бюрократов и придав огласке десятка два случая наиболее вопиющего бюрократизма. Задача эта гораздо сложнее, ибо корни бюрокра-

тизма в нашем аппарате таятся значительно глубже, чем это представляется иному наивному борцу с этой «гадиной».

Бюрократизм—это рабское наследие прошлого. Важнейшей причиной его является наша бедность и некультурность, которые мешают нам создать такой аппарат, который целиком управлял бы через массы трудящихся. «Можем ли мы опрочичиться тем, чтобы создать такой аппарат, который был бы хорошим исполнителем, но не имел бы тесной связи с рабочими и крестьянскими массами, который бы управлял страной не через эти массы, вовлекая их самих в управление страной, а стоял бы над массами и управлял ими? Нет, мы не можем строить такого аппарата. Сущность бюрократизма именно заключается в том, что чиновничий аппарат обособляется от масс, превращаясь в привилегированное сословие, управляет народом, а не через него, и стоит над ним. Если мы возьмем аппарат германского государства довоенного периода Вильгельма II, то мы должны сказать, что в смысле исполнительности, точности, аккуратности, отсутствия взяток—государственный аппарат там, несомненно, стоял очень высоко. Но одновременно он был архибюрократическим. Это была привилегированная каста, стоящая над народом... Нам надо построить такой аппарат, который не был бы бюрократическим, не был бы оторванным от масс, не управлял бы этими массами, а управлял через эти массы». (Орджоникидзе. Доклад на VII съезде профсоюзов).

Само собой понятно, что уже сейчас мы можем и должны сделать во много раз больше того, чем сделано до сих пор для привлечения масс к участию в работе аппарата.

Но в то же время надо понять, что задача создания такого аппарата, который сочетал бы в себе точность, исполнительность, аккуратность, быстроту со связью с широкими массами трудящихся,—есть задача длительная, разрешимая лишь на основе большого продвижения вперед по пути поднятия материального, культурного и политического уровня населения страны. Вот почему окончательно преодолеть бюрократизм мы сможем лишь восстановлением хозяйства, культурным ростом и перестройкой аппарата на началах более широкого участия в нем масс.

С другой стороны, бюрократизм проистекает оттого, что в нашем аппарате сохранилась значительная часть старого чиновничества, с его навыками и методами работы. Октябрьская революция сломала старую государственную машину, создав новый государственный аппарат, на новых началах. Но для создания этого нового аппарата победившие рабочие и крестьяне принуждены были прибегнуть к услугам старого чиновничества, ибо у самих у них не было навыков делопроизводства и управления. А чиновничество, воспитанное при царизме, угодливое к начальству и оторванное от масс, принесло с собой в наш аппарат много явиз старой бюрократической государственной машины.

И, наконец, бюрократизм проистекает от нашей косности, от нашей внутренней разнузданности, неумения работать над собой, остатков обломовщины, «рабского» темпа работы,—от всего того, что Бухарин назвал «рабским историческим прошлым, еще живущим в нас». Наше самомнение, комчанство, неумение работать, параллелизм в функциях различных органов, сопротивление всякой реорганизации,—все это также является источником бюрократизма, его питает и размножает.

Зная ясно источники бюрократизма, мы можем четко наметить пути борьбы с ними. Этих путей в основном три.

Во-первых, дальнейшая усиленная работа по поднятию хозяйства страны и ее культурного уровня. Эта работа ведется вне зависимости от борьбы с бюрократизмом и вне связи с нею. Надо разъяснить каждому комсомольцу, каждому молодому рабочему и крестьянину, что всякое начинание в этой области, всякий успех на этом пути облегчает борьбу с бюрократизмом, приближает срок его окончательного преодоления.

Во-вторых, надо удвоить и утроить борьбу с «конкретными носителями зла», с матерыми бюрократами, цепко гнездящимися в нашем аппарате. Недавно закончившийся пленум ЦКК особо указал на необходимость «оказывать решительный отпор тем работникам в нашем советском аппарате, которые пытались бы противопоставить борьбе партии с бюрократизмом формальные и канцелярские отговорки, а также чиновничье самодовольство, рутинерство и косность, ссылки на «объективные условия», «бедность». Привлекать к народному суду, «не взирая на лица», работников государственного аппарата, виновных в недопустимой волоките или в невнимательном отношении к рабочему или крестьянину».

В этой борьбе с «конкретными носителями зла» комсомол принимает участие, главным образом, через свою печать, при чем даже не все газеты, в особенности провинциальные, уделяют этой борьбе должное внимание. Это участие признать достаточным ни в коей мере нельзя. Надо, чтобы каждая ячейка, каждый комсомолец не молчали бы об известных им случаях бюрократизма, а всеми путями, вплоть до судебных и контрольных органов, стремились бы наказать виновных. Надо не махать безнадежно рукой на бюрократов, а выступать активными борцами против них.

В этих целях следовало бы разъяснить комсомольцам и беспартийной молодежи функции и задачи органов и людей, ведущих борьбу с бюрократизмом. Пусть каждый комсомолец знает, на кого куда ему нужно жаловаться, пусть молодежь узнает, кто сидит в судебных и контрольных органах, дабы она могла проникнуться доверием к ним, и шла бы к ним со всеми сомнениями и жалобами. Такая разъяснительная кампания, проведенная ленинградской «Сменой», дала несомненно положительные результаты.

Задача усиления борьбы с конкретными носителями зла, в особенности, стоит перед советскими ячейками союза. Материалы о работе ряда советских ячеек свидетельствуют о том, что значительная часть их задачу участия в деле улучшения государственного аппарата понимает несколько односторонне. Очень много внимания, сил, энергии уделяется поднятию трудовой дисциплины среди комсомольцев и молодежи вообще, и очень мало вносится предложений о подлинной перестройке аппарата, о радикальных изменениях в нем, об его улучшении.

Плохо не то, что советские ячейки подтягивают молодежь, прививают ей чувство ответственности за порученное дело, — плохо то, что на другую сторону этой же задачи, притом сторону далеко не менее важную, не обращают внимания. Создается впечатление, будто многие ячейки комсомола живут в раю небесном, что вокруг них нет совсем бюрократизма и бюрократов, что они работают в идеальнейшем аппарате. Само собой понятно, что такое впечатление ни в коей мере не отвечает действительности, и, вероятно, каждая советская ячейка комсомола видит предостаточное

количество безобразий вокруг себя. Но есть администрация, ее задача улучшать аппарат, и поэтому многие советские ячейки комсомола отмахиваются от бюрократических извращений, занимаясь почти исключительно поднятием трудовой дисциплины среди молодежи.

Это отмахивание, отнюдь не помогая работать руководителям учреждений, в то же время приносит несомненный вред, ибо оно фактически прикрывает бюрократические язвы нашего аппарата. Недавно ЦК партии счел необходимым разъяснить всем коммунистам, работающим в совучреждениях, что они вместе с руководителями несут ответственность за всю работу учреждения в целом. Это чувство ответственности надо привить и каждому комсомольцу, работающему в аппарате, чтобы он не прикрывал своим молчанием бюрократов, а травил их, выводил их «за ушко да на солнышко».

И третий путь борьбы с бюрократизмом — это путь широчайшего привлечения масс к работе аппарата и, в особенности, к обсуждению мероприятий по его улучшению и рационализации. ЦКК недавно постановила: «Проекты тех или иных основных изменений в области управления должны быть предварительно обсуждены на широких собраниях партийных организаций, профсоюзов, а также на собраниях рабочих и крестьян. Такого рода проверка явится лучшей и наиболее жизненной проверкой того, насколько правильно соответствующее предложение». Эта важная мера — лишь одно из звеньев цепи, которая должна крепчайшими узлами связать наш аппарат с широкими массами трудящихся. Заканчивающиеся перевыборы советов, во второй раз проведенные в качестве широкой и открытой кампании, так же в значительной мере помогли осуществлению этой цели. В этих перевыборах комсомол выступил более подготовленным, чем в прошлый год, и добился более ощутительных результатов. Не успокаиваясь на достигнутых успехах, надо продолжать упорно работать над вовлечением масс в советское строительство, тем самым способствуя делу борьбы с бюрократизмом.

Таковы намеченные лишь в самых общих чертах пути борьбы с бюрократизмом. 5-я всесоюзная конференция комсомола не сможет обойти этот вопрос в своих решениях, и она должна будет наметить конкретные, практические, реальные пути участия комсомола в борьбе со злом.

Интеллигенция и пролетариат

Что такое интеллигенция и как она возникла

Было такое время, теперь уже почти позабытое, когда слово интеллигент звучало бранью, как прозвище врага. Это было в период Октябрьской революции и гражданской войны, когда врагам пролетариата не было числа и когда интеллигенция играла позорную роль саботажника, на руку буржуазии. Тогда рабочие были враждебно настроены по отношению ко всей интеллигенции. Отрывка этого настроения еще иногда дает себя чувствовать и до сих пор в виде отдельных случаев преследований спецов, зачастую со стороны даже коммунистов. Но в общем вражда исчезла, и советской интеллигенции, в особенности той ее части, которая выходит из рядов рабочих и крестьян, уже нет причины стыдиться своего общественного имени. Но если вопрос о взаимоотношении между интеллигенцией и пролетариатом, поставленный в такой ненормальной форме, как это было в эпоху военного коммунизма, и устарел,—все же не исчез, а продолжает носить актуальный характер, обще теоретический и обще практический. Так как интеллигенция есть прежде всего общественное явление, то без сомнения методологически правильный разбор требует *классового* подхода к изучаемому вопросу. Поэтому первый исходный пункт изучения должен быть сформулирован в следующей форме: *что такое интеллигенция и какое занимает она положение в общественном производстве.*

Безусловно неправильно обычное мнение, связывающее имя «интеллигент» с представлением о человеке, одевающемся со вкусом, «благовоспитанном» в своих манерах и более, или менее образованном. Наоборот, понятие интеллигент обуславливается прежде всего характером того труда, той работы, которую несет он. Это есть прежде всего умственная, «духовная», как говорят буржуазные ученые, работа. Под таким определением труда интеллигента принято понимать именно то, что в обществе существует разделение труда на физическое и умственное, и на долю интеллигента досталась умственная работа. Здесь справедливо возникает вопрос, разве возможна какая-нибудь физическая работа без умственной и, наоборот; если последовательно рассуждать, то нужно объявить тогда рабочего немеханической машиной. Конечно, подобное резкое разделение, обособление двух форм труда не существует в действительности, и всякая физическая работа хоть в некоторой степени является и умственной и наоборот. Так, например, самая простая работа—кладка стен, требует определенной затраты мозговой энергии: на ее прямизну и т. д. И чем квалифицированнее рабочий, тем эта доля умственного труда больше в общей его работе. Точно так же самая отвлеченная умственная работа, например, математика,

требует некоторого физического напряжения—письма. Уже у музыканта эта доля физической работы больше, и музыкант устает не только умственно, психически, но и физически. Можно даже спорить, например, какой характер носит труд машинистки.

Но все же в жизни мы имеем определенное обособление умственной работы от физической. План завода, например, является плодом труда инженера; строители же завода, фактически осуществляющие план инженера, отнюдь не сведущи об общей работе. Выходит так, что рабочие и инженер составляют одно тело, у которого голова олицетворена в инженера, а руки—в рабочих. Буржуазия восхваляет подобное разделение, находит его даже законом природы, ибо оно роковым образом держит рабочие массы в безвыходном круге умственной бездеятельности. Буржуазия иначе и не может понимать жизненную роль рабочего, как только в виде работающего органа. Совершенно одинаково в древнем Риме рабов, в отличие от инструментов, называли одушевленными орудиями. Этот взгляд до того укоренился, что его держатся и поныне многие наши университетские профессора. На рабфаковца, пришедшего в вуз, они смотрят, как на человека, органически не приспособленного к учебе, поэтому-то они и стараются ввести конкурсные приемы в вузы.

Между тем, пример высококвалифицированного рабочего показывает, насколько умственное развитие и тесная связь умственной работы с физической благотворно отражаются на личности рабочего и делает из него человека вполне независимого.

Цель социалистического строительства—осуществить слияние умственного работника с физическим.

Итак, *интеллигенция есть определенная общественная группа, взявшая на себя в классовом обществе функции, обязанности умственного труда, отделенные от труда рабочих.* Поэтому наша современная интеллигенция ведет свое происхождение от той эпохи зары промышленности капитализма, которую мы называем эпохой мануфактуры. Она характеризуется тем, что является переходной формой от ремесленного производства к крупному, машинному, производству. В мануфактуре в самой резкой форме происходило разделение труда. Она превратила рабочего из цельного ремесленника в урод, искусственно насаждая в нем только одну специальную способность и подавляя весь остальной мир производительных задатков и дарований. «Не только отдельные частичные работы,—говорит Маркс,—распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы, и таким образом осуществляется на деле пошлая басня Менения Агриппы, которая изображает человека в виде частицы его собственного тела».¹ Мануфактурный рабочий, таким образом, не способен по своим дарованиям делать что-либо самостоятельно, он является придатком мастерской капиталиста. «Все те познания, понимание и воля, которые развивает в себе самостоятельный крестьянин или ремесленник, хотя бы и в малом масштабе — подобно тому, как дикарь все военное искусство воплощает в приемах своей личной хитрости, — все это в мануфактуре требуется лишь от мастерской в целом. Духовные потенции (движущие силы) производства на одной стороне расширяют свой масштаб именно потому, что на

¹ „Капитал“, т. I, стр. 339, изд. 3-е, 1923 г.

многих других сторонах они исчезают совершенно. То, что теряют частичные рабочие, сосредотчивается в противовес им в капитале. Мануфактурное разделение труда приводит к тому, что духовные потенции материального процесса производства проигивостоят рабочим, как чужая собственность и поработаживающая их сила. Этот процесс отделения начинается с простой кооперации, где капиталист по отношению к отдельному рабочему представляет собой единство и волю общественно-трудового тела. Он развивается, далее, в мануфактуре, низводящей рабочего до степени частичного рабочего. Он завершается в крупной промышленности, которая отделяет от рабочего науку, как самостоятельную потенцию производства и заставляет ее служить капиталу».¹ «Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью», — цитирует Маркс в своем «Капитале» Томпсона, — и наука, вместо того, чтобы служить в руках рабочего «средством для увеличения его собственной производительной силы, почти противопоставляет себя ему... Познание становится орудием, которое способно отделиться от труда и выступить против него враждебно».

Мы очень подробно останавливались на вопросе о связи интеллигентного труда с процессом разделения труда в мануфактуре, главным образом, с той целью, чтобы ярко осветить вопрос об общественной роли интеллигенции. Нужно подчеркнуть здесь, что нельзя, конечно, думать, что до эпохи мануфактуры труд умственный и физический гармонически развивались вместе. Это было так постольку, поскольку ремесленное производство еще не поддавало под влияние торгового капитала. У ремесленников без сомнения умственный труд — труд усовершенствования, изобретения и т. д. — был тесно связан в производстве с самим производителем. Но и тогда существовала своеобразная интеллигенция в лице духовенства, его роль заключалась, кроме прямой эксплуатации крестьянства, в духовном обуздании этого крестьянства. Происхождение духовной интеллигенции связано не с трудом производительных работников, а с трудом вождей. В древние времена, напр., в Египте, на обязанности фараонов и их умственных работников лежало регулирование разливов реки Нила. Поэтому наша современная интеллигенция не может быть родословно связана с духовной интеллигенцией средних веков и древнего мира. Ее происхождение связано с происхождением промышленного и отчасти торгового капитала.

В деревне Греции и Рима была интеллигенция близкая к нашей и не связанная с жреческим сословием, ибо там был развит очень сильно торговый капитал.

Итак, современный, специально умственный труд интеллигенции является фактически отщепенцем от производительного труда рабочего класса. Его историческая задача — удержать пролетариат во власти капитала, сделав его несамостоятельным в деле организации производства. Поэтому здесь уже намечается основная цель диктатуры пролетариата — связать вновь труд интеллигенции с трудом рабочего для успеха социализма. В коммунизме интеллигенция, как особая группа, должна исчезнуть. Здесь же нацупывается краеугольный камень вопроса о взаимоотношении между интеллигенцией и пролетариатом, заключающемся в использовании всех знаний интеллигенции для победы социализма.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 340.

Является ли интеллигенция самостоятельным классом

Выяснив условия возникновения интеллигенции, как некоей особой социальной группы, мы легко можем ответить на вопрос, является ли эта группа независимой, представляет ли она самостоятельный класс. Безусловно, *нет*. Будучи порождением буржуазной эпохи, она должна была укреплять мощь буржуазии, ее власть над трудом. Поэтому она тесно зависит от буржуазии. С другой стороны, ее труд находится по существу в полной зависимости от труда рабочего. Что может сделать инженер, ученый, поэт, художник, музыкант без рабочего? Рабочий строит заводы, отливает машины, выдвигает научные приборы, печатает книги, изготавливает краски, изготавливает музыкальные инструменты. Еще теснее сближает интеллигента и рабочего обстоятельство, что оба они продают свой труд, свою энергию, живут продажей своей рабочей — физической или умственной — силы.

Поэтому этот зависимый от двух классовых организмов общественный слой должен явиться попеременно отражающим настроения двух господствующих классов современного общества. С одной стороны, интеллигенция эксплуатируется, с другой стороны — через эту же эксплуатацию она имеет возможность приобщиться к роскоши и комфорту буржуазной жизни. Полуголодный сельский учитель, студент ненавидит буржуазию, но те же люди, став профессорами, адвокатами, поэтами и получая за свой труд десятки тысяч рублей, непосредственно заинтересовываются защитой и сохранением буржуазного строя. Отсюда то удивительное явление, что люди из одной и той же группы становятся, с одной стороны, революционерами, с другой — контр-революционерами. Нужно все же выяснить, *к какому классу* нужно причислить интеллигенцию, если она не принадлежит ни к буржуазии, ни к пролетариату. Остановимся поэтому подробнее на вопросе — насколько однородна в себе эта общественная группа. Тут мы видим замечательное явление, заключающееся в том, что в интеллигенции, как особой группе, *нет* внутреннего единства. Действительно, что общего между музыкантом или артистом в роде Шаляпина, получающим за одно свое выступление тысячи рублей, и голодным итальянцем-скрипачом на улицах европейских городов? Нет связи между ученым с именем и, например, рядовым сельским агрономом. Наоборот, отдельных интеллигентов многое отталкивает друг от друга. Например, вошла в пословицу завистливость художников. Индивидуализм и конкуренция, продажность и коварство, — вот характерные черты буржуазной интеллигенции. Все это очень сближает ее с *мелкой буржуазией*. Интеллигенция принадлежит к *мелкой буржуазии*. И, как эта последняя, колеблется и качается между пролетариатом и буржуазией, так и интеллигенция. Тысячами нитей связанная с мелкой буржуазией, пролетариатом и буржуазией, интеллигенция является их «духом», их идеологией и психологией во плоти. В. Воровский в своих глубоких и красивых статьях, вышедших под названием «Русская интеллигенция и русская литература», очень метко и правильно сравнивает интеллигенцию с парламентом, куда послали свои фракции все классы общества. Поэтому интеллигенция есть настоящее зеркало буржуазного общества. Насколько это определение правильно, можно усмотреть в одном примере. Тов. Ленин немало в своих произведениях останавливался на колоссальной фигуре Льва Толстого. О нем он писал много раз в отдельных

статьях. И вот в итоге разбора литературной деятельности Толстого тов. Ленин устанавливает, что Толстой, несмотря на свое дворянское происхождение, является зеркалом чаяний и настроений патриархального русского крестьянства. «Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротivление злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого».¹

Интеллигенция не только по своему положению примыкает к мелкой буржуазии, но она *выходит* также, главным образом, из ее среды. Только в советских республиках началось систематическое образование интеллигенции из рабочих слоев и деревенских бедняков. Наша русская интеллигенция свое происхождение ведет от тех интеллигентов, которых в нашей литературе обычно называют разночинцами, т. е. выходцами из мелкой буржуазии и крестьянства.

Не лишне было бы остановиться несколько на характеристике русской разночинной интеллигенции, чтобы на ее примере удостовериться на факте тесной зависимости этого социального слоя от основных классов общества. Появившись в такую эпоху, в 40—50 годы XIX столетия, когда еще русский промышленный капитал был слаб, царствовал же кулак — торговый капитал и помещики, разночинцы, интеллигенция оказалась в таком положении, что они не могли примкнуть ни к помещику, ни к чумазому торговцу. Интеллигенция оказалась без классовой опоры. Возомнив себя основной силой истории, она решила перевернуть историю России — свергнуть самодержавие и учредить нечто в роде крестьянского социализма. Так русская интеллигенция с самого начала своего рождения стала революционной. Это была славная и трагическая, безумная и безнадежная борьба. В те годы интеллигенция дала настоящих героев (Желябов и другие). Ленин ее называл «многострадальной русской интеллигенцией». Прошли годы. Окреп капитал в России, и в его цепкие лапы попала интеллигенция. У нее в памяти остались лишь образы славного прошлого да угрызения совести. В особенности после 1905 года начали хныкать эти «нытики из интеллигенции», как характеризовал их Ленин. Лишь небольшая часть перешла в лагерь пролетариата. Она дала таких вождей, как Ленин, Дзержинский, Воровский, Плеханов и др.

История русской интеллигенции достаточно доказывает, что интеллигенция не может играть самостоятельной роли, что она должна представлять идеологию того или иного класса. Но мы еще до сих пор слышим от многих, даже отменно умных людей о том, что интеллигенция есть двигатель истории, соль земли. Мы еще недавно слышали это из уст многих советских профессоров, наверно и сегодня многие слышат это. Откуда эта легенда? Она родилась в головах самих же интеллигентов. Всякий знает, что техника двигает жизнь вперед; и вот задается вопрос: откуда вся эта техника? Как будто бы она есть порождение человеческой, и именно интеллигентской мысли. Были целые периоды в истории, когда могущественная, совсем молодая, буржуазная интеллигенция заражала этой идеей об избраннике божьем — интеллигенте — все социальные слои и классы. Так было во Франции перед Великой Фран-

¹ Ленин, т. XX, ч. I, стр. 323.

цузской Революцией. Тогда буржуазия еще не стояла у власти, ее идеологи, революционные интеллигенты, гремели на весь мир своими произведениями. И тогда они, призывавшие людей к организации новой жизни в противовес феодальной, объявили, что мысль есть двигатель истории, отсюда солью земли является интеллигент-просвещенец. То была «эпоха просвещения». Мелкая буржуазия, пришедшая после свержения монархии во Франции к власти, поставила интеллигенцию во главе правления государством — Робеспьера, Дантона, Марата и других. Эта интеллигенция тогда пыталась создать даже религию разума. Подобные взгляды на интеллигенцию имел и наш разночинец — Бакунин, он, например, думал совершить социальный переворот силами интеллигенции и босняков. В новое время партия эсеров смотрела на интеллигенцию, как на самостоятельную революционную силу. «Против учения Маркса об единственном, действительно, революционном классе современного общества, — писал т. Ленин, — с.р. выдвигают троицу: «интеллигенция, пролетариат и крестьянство», обнаруживая этим безнадежную путаницу понятий. Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определена социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является, именно, буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли никакой определенной социальной позиции или уже выбиты жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей» (IV т., стр. 128).

Интеллигенция и классовая борьба пролетариата

Таким образом, роль интеллигенции нам представляется скромнее, чем ей самой. Но все же ее роль, как идеолога, была велика в деле укрепления сил пролетариата в его борьбе против капиталистического строя. Как будто бы отрицательные стороны интеллигенции — ее свойство отражать настроения основных классов общества, ее идеологическую чувствительность — оказались явлениями явно прогрессивного характера. Вооруженная всей мощью человеческой культуры, она создала учение утопического социализма и научный социализм, она создала философию пролетариата — материализм, метод наук и практической борьбы — диалектику.

Утописты-социалисты — Сен-Симон, Фурье, Овен, великий философ Гегель, основоположенники научного социализма — Маркс и Энгельс, гениальный диалектик революционной теории и практики — Ленин, — все они являются выходцами из буржуазной интеллигенции.

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, — цитирует т. Ленин Каутского в своей брошюре «Что делать», — что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосред-

ственно порождают сознание его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании этого проекта можно было бы думать, что этот, якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, выработавшая и австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к «сознанию» возможности и необходимости социализма. В такой связи социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против нарождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазия и интеллигенция: в головах отдельных членов этого слоя возник, ведь, и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом социалистическое сознание есть нечто извне внесенное в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно из нее возникшее».¹

Учение социализма выросло из тех философских, исторических экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Понимание хода развития объективной действительности указало этой избранной части интеллигенции путь к пролетариату.

Задача создания пролетарской интеллигенции и КСМ

Так, интеллигенция сыграла роль дрожжей в истории социалистического движения. В этом ее огромная заслуга; за это забывались многие немалые грехи ее перед рабочим классом. Но, раз толкнув пролетарскую идеологию вперед, интеллигенция дала громадную возможность пролетариату создавать свою коренную пролетарскую интеллигенцию. Она была немногочисленна в подполье, и только после Октябрьской революции стала постепенно расширяться. Пока существует классовое общество, пока физический труд отделен от духовного, до тех пор и пролетариат в условиях своей диктатуры вынужден создавать свою собственную интеллигенцию. Она (пролетарская интеллигенция) должна быть носительницей его наук, его идеологии, его искусств. «Вообще ответить — мы или нэп победит, — можно только заранее предугадав, создадут

¹ Ленин, т. V, стр. 147—148.

ли рабочие и крестьяне свою интеллигенцию», вполне справедливо заметил, однажды, в одной своей речи т. Бухарин. Пролетарская интеллигенция создается не только из выходцев из среды рабочего класса и отчасти крестьянства, она увеличивается также и за счет выходцев из других классов, и, прежде всего, мелкой буржуазии и большей части крестьянства. Оформление пролетарской интеллигенции есть одновременно и полное разрешение вопроса о взаимоотношении между интеллигенцией и пролетариатом. Путь, ведущий к оформлению рабочим классом собственной интеллигенции, был долог, тяжел и тернист, он есть один из составных элементов рабочего движения. По существу он является составной частью создания и развития коммунистической партии. Зарождение коммунистической партии в России, зарождение сознательного рабочего движения тесно связано с вопросом о первоначальной роли интеллигенции, как вносящей в классовую борьбу русского пролетариата социализм. «В России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло, как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, а котором у нас идет речь, т.-е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой «Группы освобождения труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи».¹

Социал-демократическая интеллигенция играла настолько громадную роль, что Ленин прямо заявлял: «Всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии, означает тем самым, совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих» (стр. 147). Конечно, впоследствии, когда рабочее движение приняло вполне организованные формы, роль революционной интеллигенции уменьшилась, между тем, как усилилась роль собственно пролетарской интеллигенции. «Профессиональные революционеры» т. Ленина являются не чем иным, как своеобразной формой, видом пролетарской интеллигенции. Эпоха после Октябрьской революции, эпоха строящегося социализма остро поставила вопрос об интеллигентах, о пролетарских, социалистических интеллигентах в несколько иной форме, чем это было на заре рабочего движения.

Вопросом дня поставлено было построение, медленное, но верное построение социализма в советских республиках. И тут встал вопрос об интеллигенции, как о носителях наук и искусств.

В эпоху зарождения рабочего движения в России лишь отдельные интеллигенты приходили к пролетариату, основная же масса оставалась в полной зависимости от буржуазии.

Перед Советской же властью стояла громадная задача—привлечение всей интеллигенции к социалистическому строительству и одновременно создание своей рабочей интеллигенции. Годы 1918—1922 были самыми тяжелыми на этом пути. Саботаж, неумелый подход к делу, непонимание задач Советской власти, — все это так тормозило ход революции, что стоило громадных усилий приспособить интеллигенцию к положительной работе. «Обилие выходцев из буржуазной интеллигенции, которая сплошь и рядом образовательные учреждения крестьян и рабочих, создаваемые по-новому, рассматривала, как самое удобное поприще для их личных выдумок в

¹ Ленин, т. V, стр. 141.

области философии и в области культуры, когда сплошь и рядом самое пошлейшее кривлянье выдавалось за нечто новое, и под видом пролетарской культуры преподносилось нечто сверхъестественное и несурзадное». (Ленин, т. XVI, стр. 190).

Задача стояла — создать и свою интеллигенцию. Рабфаки, вузы, коммунистические вузы, партшколы, курсы, — все это было создано и работает на благодарном поле создания советской интеллигенции.

Выдвижение на заводах — другой путь создания хозяйственников и спесов.

«Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, воспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев, чтобы он влиял на них, а не они на него» (Ленин, т. XI, стр. 329).

По отношению к специалистам науки и техники Ленин советовал держаться очень осторожно и умело, учась у них, помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки. Перевоспитать специалистов, заставить их сознательно и прямо работать не ради «чистой» науки, а ради победы социализма. Вот задача, которая осуществляется пролетариатом по отношению к интеллигенции, а «роль интеллигенции сводится к тому, чтобы сделать ненужными особых интеллектуальных руководителей» (Ленин). Это будет тогда, когда в мире окончательно восторжествует коммунизм.

То обстоятельство, что было бы крупным завоеванием создание пролетарской интеллигенции именно из подрастающих и обучающихся рядов пролетарской и крестьянской молодежи, это обстоятельство налагает большие обязанности прежде всего на комсомол. Выдвижение же рабочих на предприятиях является другим, не менее надежным, путем к созданию нашей интеллигенции; но в массовом масштабе эту работу должен повести комсомол. «Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы можем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было создание общества, не похожего на старое, т.-е. коммунистического общества» (Ленин. Задача союзов молодежи. Том XVII, стр. 314). Через комсомол же постепенно будет уничтожено разделение умственного и физического труда, характеризующее классовое общество и потому еще сохраняющее свое значение и в эпоху диктатуры пролетариата. Только различие заключается в том, что Советская власть сознательно ставит дело воспитания, обучения молодежи так, чтобы постепенно изжить гибельное разделение двух видов труда. Дело это трудное, и пока оно проводится руками старой интеллигенции, оно медленно подвигается вперед. Но уничтожение этого разделения есть цель пролетариата. В первую очередь должен устремиться к этой цели комсомол. «Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратит коммунизм в руководство для вашей практической работы. Вот задача ваша, которой вы должны руководствоваться в деле образования, воспитания, подъема всего молодого поколения. Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка» (Ленин).

„За что боролись?“

(Ответ на статью тов. Наумова „Куда идет комсомол“, см. „Юный Коммунист“ № 3)

„Синица моря не зпзгела шуму понаделала“ (басня).

Убедительные цифры против мало убедительных фраз

Основой основ всех обвинений, предъявленных Наумовым комсомолу, является положение, что недостатков в союзе больше, чем достижений. «Если взять, — безапелляционно заявляет Наумов, — на одну чашку весов недостатки и болезни нашего союза, а на другую чашку весов его достижения, то мы увидим, что чашка с недостатками и болезнями перетянет». «За что боролись», — тут же вопрошает Наумов, — «за что кровь проливали?»

Посмотрим, чем же все-таки недоволен Наумов, какие недостатки в работе комсомола он выискал. Эти многочисленные недостатки, по Наумову, можно формулировать так:

1. Несамостоятельность организации.
2. Экономическая необеспеченность молодежи.
3. Невнимание всего союза к своему активу.
4. Недисциплинированность массы членов организации.
5. Стихийный рост союза за счет чуждых слоев молодежи.
6. Рост отрицательных явлений в среде комсомольцев («хулиганство, принявшее угрожающие размеры»).
7. Пассивность, безразличие комсомольцев к общественно-политической работе.
8. Сползание союза с политических рельс, превращение его в культурку.

Несамостоятельность организации и сползание комсомола с политических рельс — вот собственно два главных обвинения, предъявляемые Наумовым союзу. Все остальное лишь маскировка этих принципиальных положений. Поэтому для удобства читателя попытаемся сначала сорвать эту маскировку, чтобы главные наумовские «козыри» предстали перед нами в более обнаженном виде.

Наумов утверждает, что молодежь у нас в СССР «экономически не обеспечена». В доказательство этого он указывает на безработицу молодежи, на незаполнение брони, на низкую заработную плату. Читатель в праве ожидать от Наумова по этому поводу цифр.

Увы, ничем подобным Наумов себя не затруднил.

Попробуем поэтому сами обратиться к цифрам по всем этим вопросам. Может быть они нам покажут несколько иную картину, чем ее рисует Наумов. А может быть они и совсем опровергнут утверждение Наумова, что «комсомол не может провести в жизнь того, чего добился своей политической работой».

Зарплата подростков, в целом, без фабзавуча, в 1924/25 г. составляла 18,7 червонных рублей, в 1925/26 г. — 21,4 червонных руб.

Цифры эти показывают, что хотя заработная плата все еще низка, но она неуклонно, вопреки заявлению тов. Наумова, идет на повышение. Имейте в виду, тов. Наумов, что до революции подростки не смели даже и думать об оплате своего труда наравне со взрослыми, а сейчас то, чего добился комсомол своей политической работой, он проводит в жизнь.

Остановимся теперь на другом обвинении Наумова по части *брони*. Следующие цифры покажут нам рост числа забронированной молодежи в производстве:

	Средний % по всем провзв.	В абсолютных цифрах
На 1 января 1923 г.	—	87872
„ 1 января 1926 г.	5,9	133992
„ 1 февраля 1926 г.	5,9	—
„ 1 марта 1926 г.	5,9	—
„ 1 апреля 1926 г.	5,9	—
„ 1 июля 1926 г.	6,0	138632

Примечание: Проценты взяты в соотношении числа подростков к общему количеству рабочих.

Вопрос о заполнении брони тесно связан с вопросом о *безработице*. Истекший год, особенно последнее полугодие, действительно дает дальнейший рост количества безработных подростков. Так на 1-е января 1926 года было безработных подростков 106.000 или 12,2% по отношению к общему количеству безработных, на 1-е апреля — 127.900 чел. или 12,1%, на 1-е июля — 133.000 чел. — 12,5% и на 1-е сентября — 135.700 чел. — 12,2%. Цифры эти наглядно показывают, что рост безработицы среди молодежи теснейшим образом связан с *общим* ростом безработицы, зависит от него.

Наумов и иные с ним вовсе не открывают Америки, когда говорят, что здесь еще не все сделано. Но разве безработицу можно изжить в один час или день? Изжитие безработицы требует длительной и упорной работы.

Безработица своими корнями уходит в дореволюционное прошлое, когда царское правительство брало курс не на индустриализацию России, а на аграризацию ее. Безработица есть также результат империалистической и гражданской войн, результат разрушения промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Только людям, не понимающим или не желающим понять это, может казаться, что стоит только захотеть и безработицу можно изжить в один момент — по приказу или постановлению свыше.

Увеличивается народонаселение, из деревни десятки и сотни тысяч молодежи непрерывно пополняют армию безработных. Промышленность не может поглотить в настоящее время эту армию. Она будет убывать постепенно, по мере развертывания промышленности и по мере развития и укрепления нашего сельского хозяйства.

Советская власть, наша общественность и комсомол делают все от них зависящее для организации трудовой и материальной помощи безработным.

Наумов недоволен невниманием к активу.

«Получается какая-то «заводиловка» без конца», — пишет он. «Невнимание к активу в его повседневной, будничной жизни, в продвижении его в общественно-практической работе есть факт». Вот уже действительно «что к чему и кто к кому, хоть убейте, не пойму!».

О каком невнимании здесь речь идет? О каком продвижении в общественно-практической работе? Если речь идет о внимании к *новому* активу, к его выдвиганию внутри союза, то не угодно ли приглядеться опять-таки к цифрам. Цифры эти красноречиво говорят о том, что новый актив (из рабочих и крестьян), растет и выдвигается в союзе, что этот рабочий и крестьянский актив составляет большинство в составе руководящего актива.

Цифры изменения в составе членов губкомов, обкомов, крайкомов ВЛКСМ и ЦК нацреспублик с 1 января по 1 апреля 1926 г. в процентах:

	Рабоч.	Крест.	Служащ.	П оч.
На 1 января 1926 г. . . .	49,2	29,6	21,2	—
На 1 апреля 1926 г. . . .	50,3	29,5	20,2	—

Изменения в составе бюро ф.-з. яч.

	Рабоч.	Батраков	Крест.	Служащ. и проч.
На 1-е октября 1925 г. . .	82,5	0,5	4,8	12,2
На 1 апреля 1926 г. . . .	82,6	1,4	4,4	11,6

Изменения в составе членов бюро дер. ячеек

	Рабоч.	Батраков	Крест.	Служащ. и проч.
На 1 октября 1925 г. . .	6,3	6,7	79,4	7,6
На 1 апреля 1926 г. . . .	6,5	10,8	74,8	7,9

Это как будто бы совсем не то, что утверждает Наумов.

Наслышавшись или начитавшись оппозиционных речей о нашем активе, Наумов не решается повторить прямо вслед за оппозицией, что у нас идет «вытеснение» пролетарских, батрацких и бедняцких элементов в активе и указывает на невнимание к продвижению актива в его общественно-практической работе.

Мы уже показали цифрами, что внутри самого союза выдвигание актива все время непрерывно растет, главным образом, за счет рабочих, крестьян, батраков и бедняков. Обратимся теперь к вопросу участия комсомольцев в руководящих органах различных общественных организаций.

В составе сельсоветов молодежь в возрасте до 25 лет в 1924/25 г. составляла 19,1%, а в 1925/26 г. — 20,7, при чем из этого количества комсомольцы составляли 3,8%.

Примерно такое же положение и в других общественных организациях (кооперац, ККОВ и пр.). Вот для примера цифры комсомольцев, работающих в правлениях московских кооперативов по Москве на 1-е апреля 1926 г. Всего молодежи в правлениях кооперативов числилось 128 чел. — 6,3% по отношению к общему числу членов правления. Из этого числа комсомольцев 101 чел. — 4,9%. До перевыборов в составе рев. комиссий молодежи было 6,9%. После перевыборов число членов рев. комиссий от молодежи поднялось до 7,9%, из них 5,5% падает на комсомольцев. Кроме того, по Москве и губернии в составе лавочных комиссий на 1-е апреля 1925 года состоит 233 комсомольца и являются уполномоченными 230, не считая беспартийной молодежи.

А вот и цифры участия комсомольцев в фабкомах. По союзу рабочих водного транспорта представительство ВЛКСМ в низовых союзных органах (месткомах и фабзавкомах) с 136 чел. (1923 г.) увеличилось до 265 чел. (октябрь 1925 г.).

По союзу рабочих железнодорожников количество членов КСМ во всех союзных органах увеличилось с 5412 чел. на 1 ноября 24 г. до 8108 чел. на 1 ноября 1925 г.

По союзу рабочих текстильщиков количество представителей КСМ в фабзавкоме и его комиссии увеличилось с 1507 чел. на 1/I—1925 г. до 1573 человека на 1/X—1925 г. (Материалы экономкомиссии ЦК).

Не ясно ли теперь после этих цифр, что утверждения Наумова о невнимании к активу есть чистые и бездоказательные фразы.

Уже одни эти цифры опровергают в значительной мере утверждение т. Наумова о полном царстве, *недисциплинированности* в организации, о том, что комсомольцы совсем не показывают пример в общественной работе, что комсомолец пассивен, безразличен к общественно-политической работе и т. п. Ведь если бы все кругом было бы так плохо, как рисует Наумов, то разве комсомол пользовался бы таким авторитетом, каким он пользуется сейчас? Разве бы население избрало их в советы, в фабкомы, в правления кооперативов? Перед нами случайно попавшаяся под руку заметка из газет о происходящих сейчас выборах в советы:

«По РСФСР произведены перевыборы 40 горсоветов и 666 сельсоветов. Перевыборы эти прошли — это можно смело признать — удовлетворительно. Это становится особенно ясно всем, когда сравниваешь итоги прошлых и нынешних перевыборов. Коммунистов и комсомольцев в эти горсоветы избрано 1.620 человек (всего депутатов избрано 3.374), что составляет 48 процентов.

В 666 сельсоветов избрано 7.646 депутатов, из них 1.070 коммунистов и комсомольцев, по сравнению с прошлым годом увеличен на 4,1 процента» («Комсомольская Правда»).

Что в среде молодежи, как и в среде комсомольцев, идет рост отрицательных явлений, так это мы и без Наумова знали, не скрывали этого и не скрываем сейчас. Но мы не кричим попусту об этих явлениях, а ведем усиленную борьбу за культуру, за образование, за новый быт, против хулиганства, обломовщины, пьянства и матерщины. Эта борьба дает уже свои плоды. Десятки и сотни вновь открытых клубов, вечерних школ и кружков, курсов и проч. «культурнических» учреждений наносят сокрушительный

удар этим отрицательным явлениям, а ведь мы только взяли за эту работу, ведь мы стоим только у начала этой культурнической работы. И если сегодня еще есть эти отрицательные явления в среде молодежи, то в будущие годы, под влиянием нашей массовой культурной работы они будут уже значительно более редким явлением. И не кругло как-то у вас получается, тов. Наумов, когда вы, с одной стороны, источник всех зол в союзе видите в невнимании к общественно-практической работе комсомольцев, а с другой стороны, несколькими строками ниже говорите о том, что комсомольцы не проявляют никакой активности и никакого интереса к общественно-политической жизни.

Не кругло получается у вас и тогда, когда вы в ужас приходите от того, что в среде молодежи имеется недисциплинированность, хулиганство, распущенность, и в то же время изобличаете комсомол в измене политике и в сползании с политических рельс на рельсы «культурки» — предлагаете бороться с культуркой. Но ведь, как раз проводя эту культурную работу, мы ликвидируем и изживаем отрицательные явления.

Что вам сказать после этого? Вот уж, действительно, «на сердце стыд и на душе конфуз».

Об одном лозунге

«А оратель-то говорит, говорит...
Ну, прямо убеждает...»

Рязанская баба, рассказывавшая о столичном «орателе», вероятно имела в виду т. Наумова. По крайней мере таким представляется он нам, когда, распинаясь («за что боролись?!»), доказывает, что все погибло. С политических рельс сползаем, самостоятельность потеряли, в своих собственных рядах все сплошь пьяницы и хулиганы, авторитета у нас нет, стремления к общественно-политической жизни нет и внимания к нам тоже нет.

Не старайтесь так сильно, тов. Наумов, не стоит, ведь мы то знаем теперь, что все это не совсем так, и если дальше вас и выслушивают, то только для того, чтобы всем стало ясно, какой вы не убедительный, прескучный и фальшивый «громкоговоритель». «Растем стихийно за счет чуждых нам слоев», — вопит Наумов. Откуда это вы, дорогой, взяли? Где у вас хоть какие-нибудь доказательства? Позвольте нам привести их за вас. По сведениям Статотдела ЦК на 1-е января 1925 г. в союзе насчитывалось фаб.-заводских и транспортных рабочих 36,2%; с.-х. рабочих 6,6% (всего так. обр. 42,8%), крестьян — 45,1% и проч. 12,1%, а на 1-е ноября 1926 г. в организации насчитывалось уже фаб.-заводских рабочих 34,7%, сельскохоз. рабочих 7,8% (всего 42,5%), крестьян — 47,5%, кустарей и ремесленников 1,7% и проч. 8,3%, где вы здесь увидите рост за счет чуждых нам слоев?

Картина здесь совсем иная, чем рисует Наумов. И если есть на первый взгляд кажущееся незначительное понижение процента рабочих (на 0,3%), то это объясняется просто тем, что в 1925 г. у нас кустари и ремесленники по случаю слабо развитой работы среди них отдельно не учитывались, так что на самом деле мы можем считать, что рабочих у нас не 42,5%, а плюс еще 1,7%, т.-е. 44,2%, т.-е. больше чем в 1925 г., а процент прочих — учащихся, интеллигентов и т. д. упал с 12 до 8%, а ведь союз за это время принял в свои ряды около миллиона человек. Где же позволи-

тельно спросить теперь у Наумова, стихийный рост чуждых элементов? Они в его воображении. Недостаток опыта дает простор фантазии. Фантазия Наумова превосходит все пределы и тогда, когда идет в поход против лозунга «100% рабочей молодежи в союз».

«Когда говорят о демагогическом лозунге 100% рабочей молодежи в союз, то становится просто смешно. На VI съезде комсомола договорились чуть ли не до того, чтобы выполнить этот лозунг в один год.

А теперь говорят — этот лозунг выброшен союзом на бесконечное время. Конечно, когда дойдем до коммунизма, тогда все будем коммунистами — об этом нечего говорить. Опыт с ленинским призывом должен предохранить от многих имеющихся сейчас ошибок в вопросе роста союза. К нам в союз идут все, кому не лень. Ведь, есть такие слои молодежи, которые, в силу своих отрицательных свойств, не должны состоять в комсомоле. Ведь комсомол — политическая организация, а из нее сделали какую-то богадельню. Наконец, зачем выбрасывать лозунг 100% рабочей молодежи в союз, когда он технически не выполним. Все эти факты говорят за то, что этот лозунг есть демагогия».

Итак лозунг «вся рабочая молодежь в ряды союза» есть демагогия.

Рабочую молодежь нельзя рассматривать, как нечто раз навсегда установившееся. Каждый год, каждый месяц масса рабочей молодежи растет, пополняется новыми кадрами молодежи из деревни, из детдомов, из школ, коммун и т. п., так что, охватить ее сразу на все 100%, в один день, по приказу, не удастся. Уже по одному этому лозунг «100% рабочей молодежи в союз» есть *ностоянный* лозунг. Только в каждый данный отрезок времени в выполнение этого курса мы будем все время приближаться к 100% охвату. Утверждение, что лозунг этот технически не выполним, опровергается опытом отдельных фабрик Москвы и Ленинграда, где мы уже сейчас имеем охват рабочей молодежи на 60 и 80%. Примеры эти общеизвестны.

В чем же дело? Зачем понадобилось Наумову против рожна переть? Зачем понадобилось ему разводиться всякие турусы на колесах по поводу лозунга «100% рабочей молодежи в союз» и по поводу стихийного роста союза?

«А замысел простой тут был». Наумов, видите ли, за то, что «есть такие слои молодежи, которые не должны состоять в комсомоле», «комсомол не богадельня» и т. д.

Наумов хочет *ограничить* прием молодежи в союз. Наумову желательно, чтобы комсомол оставался маленькой, замкнутой группой лиц, политически выдержанных, не сползающих с политических рельс и не занимающихся презренной «культуркой».

Зачем нужно было Наумову рисовать черную картину гибели комсомола, зачем ему нужно было доказывать несамостоятельность организации, зачем ему надо было этак через «черный ход» подвести читателя к мысли об ограничении приема в союз — мы сейчас и покажем.

Куда ведет комсомол тов. Наумов

Прежде, чем показать, зачем понадобилось т. Наумову рисовать свою неприглядную картину состояния комсомола, прежде, чем рассказать, почему понадобилось ему превратить союз в секту

твердокаменных, стальных, испытанных коммунистов, позвольте напомнить, что во главу угла всех своих нерассудительных рассуждений, этот не столь умный, сколь храбрый муж кладет утверждение о том, что молодежь является наиболее революционным элементом революции, ее авангардом. Эта мысль, как две капли воды напоминает теорию т. Троцкого, уже давно опровергнутую, о том, что молодежь является барометром революции. В доказательство этой троцкистской идейки т. Наумов нашел возможным сослаться на... речь Сталина о задачах коммунистов в Китае¹.

Но Наумов идет еще дальше Троцкого. Развивая взгляды последнего, Наумов приходит к выводу о необходимости отделиться от партии или, как он выражается, «Добиваться большей самостоятельности организации. Борьба против опеки, административного зажима, не искажать принципов партийного руководства, так как политическая организация не может не быть самостоятельной организацией».

Что было скрыто за теорией Троцкого о «барометре»? Противопоставление старых кадров партии молодежи, обвинение этих кадров в перерождении. Что скрывается за формулировкой Наумова? То же самое. Ученик Троцкого, Наумов, более грубовато выразил ту же самую мысль, что и учитель. Не поднимая старые споры, так как они уже давным давно решены и теория «барометра» отвергнута самой молодежью, надо все-таки здесь привести выдержку из речи тов. Сталина на XIII конференции ВКП(б) по этому вопросу:

«...Четвертая ошибка, допущенная тов. Троцким, состоит в том, что он противопоставил молодежь кадрам нашей партии, что он бросил голословное обвинение в перерождении наших кадров.

Тов. Троцкий поставил нашу партию на одну доску с партией с.-д. в Германии, сослался на примеры о том, как некоторые ученики Маркса, старые социал-демократы, перерождались, и он сделал из этого вывод, что перед такой же опасностью перерождения стоят наши партийные кадры.

Не всякого старика можно уважать, и не всякий опыт нам важен. Какой опыт — в этом все дело. В германской социал-демократии имеются свои кадры. Там кадры выросли в борьбе с революционностью, в борьбе не за диктатуру пролетариата — это громадный опыт, но этот опыт есть опыт отрицательный. Громить этот опыт, товарищи, разрушать его и изгонять таких стариков молодежь обязана.

Но у нас, ведь, идет дело о другой партии — о партии коммунистической, о партии большевиков, кадры которой родились в борьбе с оппортунизмом, которые окрепли в борьбе с оппортунизмом, которые выросли, взяли власть в борьбе с империализмом, в борьбе со всякими оппортунистическими прихвостнями империализма. Разве не ясно, что мы имеем тут дело с принципиальной разницей. Как можно ставить на одну доску кадры, выросшие в борьбе за революционность, кадры, прошедшие борьбу за революционность, кадры, пришедшие к власти в боях с империализмом, кадры, потрясающие основы мирового империализма, — как можно

¹ В своей речи т. Сталин указывал на необходимость широкого вовлечения китайской молодежи в революционное движение. Найти в этих словах подтверждение теории «барометра» также неостроумно и неправильно, как было бы неправильно и неостроумно попытаться из указания Ленина о необходимости вовлечения женщин-трудящихся в советское строительство сделать вывод, что женщины являются наиболее испытанным отрядом революционных бойцов.

эти кадры, если говорить по совести, не кривя душой, как можно эти кадры ставить на одну доску с такими кадрами, как германская социал-демократия, которая являлась раньше с Вильгельмом против рабочего класса и явшаается теперь с Сектом, которая окрепла и сложилась в боях с революционным духом пролетариата, как можно эти принципиально разнородные кадры ставить на одну доску, как можно их спутывать? Разве трудно понять, что пропасть между этими двумя кадрами — непроходима?»

Но пресловутый «барометр» есть только завершение логически развертываемой и хитро завуалированной системы взглядов Наумова — системы, идея которой может быть выражена в словах «создание юношеской компартии»; начинается эта система с утверждения о невнимании к союзу со стороны советской общественности.

«Наши партийные, профессиональные и административные организации не способствуют проведению в жизнь решений комсомольских ячеек», — так утверждает Наумов.

Каждый знает, что это совсем не так. В действительности, каждый партийный и профессиональный съезд, каждая конференция внимательно прислушивается к голосу комсомола, к его предложениям. Никогда еще партия и профсоюзы не стояли так близко к комсомолу, как в настоящее время. Бывают отдельные случаи, что на низах тот или иной зарвавшийся бюрократ тормозит, не проводит в жизнь эти решения, но, ведь, эти случаи единичны, ведь, с ними партия, комсомол и профсоюзы борются? Чего же вы, тов. Наумов, указывая пальцем на отдельные примеры, беретесь утверждать, что есть невнимание *всей* партии и *всего* профсоюзного движения к молодежи?

Кстати, заметим, что Наумов говорить хочет здесь не столько о невнимании, сколько о том, почему не проводятся в жизнь административными и профессиональными организациями решения ячеек союза. Вот он, тот маленький поросчатый хвост, уцепившись за который мы вытащим всю свинью.

Наумову, оказывается, хочется, чтобы хозяином на производстве была бы ячейка комсомола. Наумову, оказывается, хочется, чтобы решения ячеек проводились и партией и профсоюзами беспрекословно.

Дальше Наумов еще более ясно говорит об этом:

«Все советские, профессиональные и административные организации должны признать комсомол, как политическую организацию, играющую громадную роль в нашей стране. Все предложения, решения и требования комсомола должны непосредственно проводиться в жизнь. Необходимо на этот счет выработать специальные директивы».

Надо ли говорить о том, насколько губелен тот путь, на который тащит Наумов комсомол? Каждый, даже самый рядовой, комсомолец знает, что создание двух параллельных политических организаций, двух партий влечет за собой раздробление руководства, срыв диктатуры пролетариата, срыв единства в партии, срыв военной и хозяйственной крепости страны и тем самым срыв всех завоеваний Октября. Нечего, кажется, много говорить о том, что все это привело бы, конечно, к ликвидации юношеского движения или, если даже допустить возможность создания такого наделенного всеми полномочиями союза, — к вырождению его в маленькую син-

дикалистскую группу. Так, желая спасти комсомол, Наумов ведет его к гибели.

Интересно, что эта идея создания синдикалистской юной компартии логически доведена до конца в рассуждениях т. Наумова. В своей, так сказать, практической части программы он предлагает устроить *чистку* организации.

И тут еще раз резко выступает перед читателем линия Наумова на «равноправие» комсомола с партией. Наумов слышал, что в партии в свое время были чистки, так почему же не устроить их и в союзе. Он и предлагает это.

Если можно, надо и должно прибегать к чистке в партии, то в *нашей* организации, основной целью своей, имеющей *воспитание молодежи*, чистки только бы повредили этому воспитанию. Это, конечно, вовсе не означает, что в какой-нибудь решающий, важный момент в жизни страны мы не устроим проверки своих рядов, однако, иными методами, чем рекомендует нам Наумов.

Но это еще не все. Наумов сумел сочетать в своей программе и троцкизм и синдикализм дунаевщины одновременно. Чего требует Наумов? Больше политической самостоятельности, беспрекословного проведения решений комсомола по всем вопросам труда молодежи, возложения на ячейки роли решающих любой вопрос инстанций, в особенности, по труду и быту. Что выдвигал в своей программе Дунаевский? В области экономической—создание советов и специальных секций молодежи при профсоюзах. В области политических и организационных требований мы читаем в проекте его программы следующее:

«РКСМ, признавая программу и тактику Российской Коммунистической Партии, как руководительницы борьбы и строительства нового рабочего общества, всего рабочего класса и крестьянства: 1) является организацией самостоятельной, сверху донизу выбираемым самим союзом руководящим аппаратом (свои собрания, конференции, с'езды, комитеты, печатные органы, представительства в партийных, государственных, рабочих организациях); 2) сама определяет путем свободного волеизъявления членов свое отношение к вопросам как общеполитическим, так и различных областей жизни молодежи, формы и пути своей работы; 3) сама разрешает вопросы, дискутирующиеся внутри союза.

Центральный Комитет РКСМ подчинен в политических директивах ЦК РКП» (Дунаевский «Проект программы РКСМ»).

Говоря о том, что Центральный Комитет союза подчинен ЦК партии только в политических директивах, Дунаевский тем самым хотел оторвать союз от руководства компартии. Его фракционная борьба и его принципиальные ошибки нашли свою оценку в тогдашнем письме ЦК партии всем партийным организациям, письме, которое ясно дает ответ на вопрос о синдикализме, политической самостоятельности и т. д.

«Российский Союз Коммунистической Молодежи с самого начала его возникновения являлся и является подсобной РКП организацией, школой коммунизма, в которой наша пролетарская и полупролетарская молодежь воспитывается в коммунистическом духе, приобретает навыки революционно-организационной работы и этим самым готовится для пополнения кадров борцов за социалистической строй. Понятна поэтому такая тесная связь, которая существует между РКП и РКСМ, и ясно, почему работа Коммунистического Союза Молодежи проходит под контролем ком-

мунистической партии, особенно в вопросах, касающихся чистоты принципов, положенных в основание нашей программы

Центральным Комитетом еще задолго до настоящего времени было обращено внимание на некоммунистические уклоны, замечавшиеся у некоторых активных товарищей из союза молодежи, в частности у тов. Дунаевского.

В вопросах «о формах движения рабочей молодежи» этот товарищ пытался повести юношество по неправильному пути, результатом чего был бы значительный ущерб как для самого юношеского движения, так и для рабочих организаций, в которых принимает участие наша молодежь. Так вели они борьбу за организацию советов рабочей молодежи, противопоставляя не класс пролетарский—классу буржуазному, а юных пролетариев—пролетариям взрослым, извращая, таким образом, принцип классовой борьбы или пытаясь вместо ячеек в профессиональных союзах создать секции молодежи при профессиональных союзах для защиты интересов «трудящегося юношества России», что, конечно, могло бы лишь задержать рост и укрепление профессионального движения вообще» (Письмо ЦК ВКП(б) всем ГК и ЦК).

Все это было в 1920 г. Спустя семь лет после «дунаевщины» Наумов опять поднимает те же самые вопросы, что были подняты тогда. Он становится так же, как тогда стал Дунаевский, на путь *противопоставления* взрослых молодежи, на путь *противопоставления* партии и союза. Наумов тянет или хочет потянуть движение назад, но ему это не удается. За эти 7 лет в своей практической работе союз убедился в правильности того пути, по которому он сейчас идет, по которому его ведет партия. Один только Наумов ничему не научился за эти 7 лет его «активной» работы в комсомоле.

Сознательно или несознательно он проповедует все эти заведомо неправильные вредные вещи — это все равно. Важно установить, что Наумов тащит союз назад к пройденному этапу.

Что касается нападок Наумова на, якобы, чрезмерную культурную работу союза, благодаря чему он сползает с политических рельс, то об этом много писать не приходится. Каждому, даже низовому активисту из ячейки теперь уже более или менее понятна необходимость сочетания культурной работы с политической работой союза (об этом еще, ведь, говорили решения XIV съезда ВКП(б) (!)). Из того, что пишет Наумов видно ясно только одно, что он оготело настроен против культурной работы союза вообще, не понимая, что культурная работа союза, увязанная с его общими задачами, является сейчас лучшей политикой. Сползание с политических рельс получается как раз у противников культурной работы, а не у союза. Этого не понять Наумову, безнадежно запутавшемуся в трех соснах: культура, политика, комсомол.

Собственно, на этом мы могли бы и кончить наш ответ, но нам надо ответить еще только на один вопрос: чьи интересы выражает Наумов?

Вернемся вместе с вами, читатель, несколько назад и вспомним, что говорил и предлагал Наумов. Во-первых, — самостоятельность, во-вторых, — возложение на ячейки решающей роли, в-третьих, — отказ от культурничества и создание вполне самостоятельной, чисто политической организации, в-четвертых, — прекращение роста союза и замыкание союза в маленькую группку.

Чьи же все-таки интересы выражает Наумов в своих «произведениях?»

Никакие сколько-нибудь многочисленные группы в союзе за Наумовым не идут, ибо только недавно мы имели возможность проверить настроения нашего актива и всего союза на борьбе с оппозиционным блоком.

У нас, в среде пролетариата, в среде молодежи и даже в некоторой части партии есть группа лиц, сохранившая свое недовольство и ненависть к нэпу. Наумов как раз принадлежит к числу этих людей. Этот горе-романтик, революционер с большой буквы не мог приспособиться к новым условиям работы, не понял нового курса, он ненавидит нэп и все его отрицательные стороны. Он не видит иного выхода, как возврат к старым методам и формам работы, когда союз действительно не вел никакой культурной работы, когда комсомол действительно сплошь и рядом подменял собою административные и всякие иные органы власти.

Наумов не может приспособиться к медленному темпу нашей работы в новых условиях, когда приходится брать не «революционным» напором, а умением кропотливо, со знанием дела, с соответствующей подготовкой вести свою повседневную работу.

Это постоянное оглядывание назад, в прошлое союза, постоянное сравнение его с настоящим характерно для всей статьи Наумова. Его сердце и его мысли — все в прошлом. Наумов тащит нас назад, к пройденному этапу революции, он тянет нас к военному коммунизму, он хочет, чтобы союз работал методами 1918 — 19 годов.

Вряд ли, однако, он увлечет кого-нибудь за собой. «Наумовщина» — редкое явление. Таким оно и останется. Но то, что такие настроения имеются, показывает, что не всем еще союзом, не всей еще массой усвоены решения XIV партийного съезда и VII съезда комсомола. На разъяснение и на популяризацию их в массах союза надо приналечь.

М. ТЕТЕРИН

Дорогу творческой самодеятельности масс!

Справка из истории

Сейчас, когда вокруг ленинградских бытовых ядер и групп и повсеместно идущего на под'ем культурного движения в массах молодежи, некоторых товарищей охватывает дискуссионный зуд, появились паникеры культурного фронта, с ученым видом знатока, каркающие чуть ли не о превращении нашего союза в расхлябанную организацию мелкобуржуазного типа, — весьма полезно посоветовать им внимательно перелистать страницы комсомольской истории.

Может быть это внесет ясность в разгоряченные головы.

Идею всевозможных добровольных объединений молодежи, разрешающих ряд задач, связанных с вопросами упорядочения своего быта и повышения своего культурного уровня, поставил тов. Бухарин на V съезде нашего союза в своем докладе «Задачи коммунистического воспитания молодежи».

«Дело заключается в том, — говорил тогда Николай Иванович, — что очень часто буржуазия берет своей большой подвижностью, а мы отстаем, ибо благодаря нашему централистскому бюрократизму, повернуться-то не успеваем. Союз, как целая организация не может полно удовлетворить эту потребность. Мы должны внутри союза проповедывать систему всевозможных объединений, кружков, которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет собой РЛКСМ — с другой. Тогда у вас будет сочетание двух принципов. Сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-го всероссийский главапор».

Товарищ Бухарин настаивал дальше на том, чтобы внутри союза были созданы такие добровольные объединения и такие группировки, которые вели бы сознательную, самую беспощадную борьбу с пьянством, табаком, с анархизмом в области половых взаимоотношений и т. д.

Тогда эти «еретические» мысли вызвали целую бурю протестов. Тов. Бухарина обвинили в «буржуазном», «индивидуалистическом» взгляде на вещи. Говорили, что он хочет насильно загнать молодежь в группы и кружки, что он, как строгий папаша — ибо добродетель приходит с возрастом — хочет навязать молодежи фетишизм в области норм поведения, подчинение этих норм поведения какому-то, никому неизвестному авторитету и т. д.

На «вопли» растерявшихся ребят тов. Бухарин весьма резко поставил на V съезде союза вопрос о том, что «если на такой точке

зрения вы останетесь в вашей дальнейшей политике, вы вашей задачи не решите, потому что очень справедливо еще Кузьма Прутков говорил, что нельзя объять необъятное. Если вы будете стараться объять необъятное, получится один конфуз. Мы постоянно говорим: «нам нужно будить самостоятельность масс». Можно ли это делать, если мы не оставим широчайшей свободы объединения кружков?»

Тов. Бухарин дает на этот вопрос единственно правильный ответ, что здесь *на одном циркуляре далеко не уедешь*.

Полемизируя с тов. Гархановым, он указывает также, на каких принципах мыслимы в комсомоле всевозможные группировки и объединения молодежи. «Я вовсе не говорю, что нужно искусственно, силком тащить в кружки,—заявляет тов. Бухарин.—Я не говорю, что нужно запереть 10 чел. в комнату, и пускай они там играют в шахматы, как Гарханов это дело изображает. Наоборот, я думаю и говорю о том, что надо развязать целый ряд *влечений*, которые существуют, и на основе этих влечений формировать кружки и другие организации».

XIII партс'езд узаконил мысли тов. Бухарина, записав их в резолюцию по докладу «О работе среди молодежи». А жизнь за этот период времени эти мысли *целиком оправдала* и доказала их полную реальность и необходимость.

Сейчас на ленинградских и московских заводах развертывается в массах молодежи громадное культурное движение именно на основе добровольного объединения людей, в так наз. бытовые группы и ядра, вокруг конкретного, всех их интересующего дела.

Паника, растерянность перед этим движением вредны и неуместны.

За это движение, как совершенно верно поставила вопрос «Комсомольская Правда», надо сейчас *зацепиться всеми колесиками нашего комсомольского механизма*, ибо это движение гораздо более серьезное, гораздо более глубокое, чем оно может показаться с первого взгляда.

На подступах к культурной революции

Тов. Ленин в своей статье о кооперации поставил перед нами во всем объеме задачи *культурной революции* в стране. «Я готов сказать, — писал Владимир Ильич, — что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Тов. Ленин утверждает дальше, что «полное кооперирование невозможно без целой культурной революции». Иными словами, мы сейчас задачи строительства социализма в нашей стране не можем решать *вне культурного переворота* по всему фронту нашей строительной работы, ибо «теперь мы в праве сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма»¹.

Бытовые ядра и группы — громадное культурное движение масс молодежи, сатновятся сейчас одним из важнейших участков всего фронта культурной революции, при чем таким участком этого фронта, который захватывает его важнейшие пункты. Бытовые

¹ Н. Ленин, том XVIII, часть II, стр. 144.

ядра и группы сейчас не только организуют досуг молодежи, но и начинают заниматься такими вопросами, как улучшение производства, оздоровление рабочей семьи, борьба с пьянством, хулиганством и т. д.

Бытовые ядра и группы — важнейший участок всего фронта культурной революции еще и потому, что они вырастают на основе добровольного объединения масс молодежи и комсомольцев во круг конкретного, всег их интересующего дела и являются ярким примером работы по-новому, когда эта работа движется вперед не циркулярами, а творческой самодеятельностью комсомольских масс.

Прежде всего бытовые ядра и группы не застывают на каком-нибудь определенном участке работы. Это чрезвычайно живая и подвижная организация, на основе запросов масс молодежи быстро перестраивающая фронт своей работы от одних начинаний к другим.

На фабрике «Красный Швейник» в Ленинграде¹ началось с того, что группа ребят стала *вместе читать газеты*, главным образом, фельетоны. Этим настолько заинтересовались, что возникла мысль организовать группу быта. Для того, чтобы сплотить рабочих, устроили *вечер самодеятельности*. Дальше внимание группы привлекли кражи на заводе. Группа изучила этот вопрос и *через беседы* по цехам создала общественное мнение против краж. Это явление прекратилось. Сейчас группа работает в составе 7 человек. Они вместе обедают, вместе проводят свободное время, вместе посещают кино и театры.

На фабрике имени Петра Анисимова особо остро стоял вопрос о пьянстве и хулиганстве. Завод расположен на окраине. В дни получки здесь широко разливалось пьяное море. В пьянках и драках калечили людей. Коллектив комсомола неоднократно получал повестки от административных органов, извещающих о хулиганстве комсомольцев. Начали с того, что небольшая группа товарищей решила *коллективно ходить в театр*, по воскресеньям ездить за город. Так создалось бытовое ядро. В дни получки ядро организует коллективные посещения интересных кино-фильм, театров. Вначале дело продвигалось вперед туго. Ребята неохотно меняли пивную на театр, а потом заинтересовались. Группа, после просмотра той или иной кино-фильмы, той или иной постановки, *организует обмен мнениями*, дискуссии. Дальше группа решила устраивать по субботам в дни получки *вечера*. Для этого группа *вызвала* всех гармонистов, балалаечников, плясунов и т. д. В конторе устроили *уголок отдыха*. Постепенно появилась в уголке литература, главным образом о быте, в произведениях современных писателей, пашки, шахматы. Результаты этой работы оказались блестящими для завода. Уменьшилось пьянство и хулиганство среди молодежи. Группа с 5 человек разрослась сейчас до 20, работающих на основе *полной самодеятельности*. У них нет ни председателя, ни секретаря, и никто не ведет протоколы.

На заводе имени т. Егорова группа ребят заинтересовалась «чубаровским делом». Вместе читали газеты. Стали вместе ходить в кино, в театры. Решили организовать цеховой вечер самодеятельно-

¹ Все примеры, использованные автором в настоящей статье, взяты из материалов «Комс. Правды» и обследования инструкторской комиссии ЦК Ленинградской и Московской организаций комсомола.

сти, и теперь устраивают такие вечера *еженедельно*. Сейчас группа помогает бюро коллектива проводить *конкурс на лучшего производственника*.

В судостроительной верфи молодежь, живущая одиночками, жаловалась на дороговизну и малый заработок. Этим делом заинтересовалась группа комсомольцев. Занялись изучением вопроса, *как расходуется молодежью зарплата*. Так создалась бытовая группа. Сейчас группа интересуется вопросом, почему самые активные, хорошие ребята в цеху очень часто привлекаются административными органами за пьянство и хулиганство. Группа приступила к *обследованию* жизни ребят вне производства, причем это обследование проводится *не анкетным порядком*, а путем посещения членами бытового ядра своих ребят, товарищеских бесед с ними и т. д.

В Табтресте коллективом комсомола была выделена группа ребят, организаторов прогулок и экскурсий за город. Из этой группы впоследствии сформировалось бытовое ядро. Молодежь жаловалась, что в воскресенье нечего делать: в клубе тоска, дома еще хуже. *Ядро решило провести вечер самодеятельности*. Разыскали среди ребят рассказчиков, декламаторов, танцоров, гармонистов. Вечер прошел очень живо и удачно. Меньше стало разговоров о скуке. Затем в дни полочки группа *организовала продажу дешевой литературы*. Завели комсомольскую сберегательную кассу. Есть 10—20 коп., — вноси в кассу. На эти деньги потом покупали литературу, выпивали газеты. Сейчас ядро быта проводит обследование жизни комсомольцев вне стен предприятия, изучает, как они ведут себя дома, жилищные условия, как комсомольцы расходуют свой заработок и т. д.

На фабрике имени Желябова после доклада «Комсомол и кухня» на общем собрании коллектива группа ребят решила организовать общезитие. Это дело провели, и сейчас намечают ряд других мероприятий в области оздоровления быта молодежи, разумного использования своего свободного времени и т. д.

В Областземе ядра быта добились, чтобы ребята обедали не в частных ресторанах, как это практиковалось, а в кооперативной столовой.

На заводе «Вена» своей столовой нет, а обедали ребята в частном ресторане. Обеды были скверные. Тогда бытовое ядро организовало 3-дневный *бойкот* ресторану. О бойкоте развесили плакаты на всех стенках по дороге к столовой. Обеды улучшились.

На заводе имени Зиновьева вокруг юнсекции объединилась группа молодежи—затейников, которая насчитывает сейчас в своем составе 50 человек. *Эта группа обслуживает вечера молодежи плясками, играми, юмористическими рассказами, инсценировками* и т. д. В обеденный перерыв проводит по цехам концерты, где с удовольствием присутствуют и взрослые рабочие.

На «Красном Гвоздильщике», ф-ке «Сов. Звезда» и др. существуют бытовые ядра, борющиеся с пьянством, курением, плевать и нашей скверной липкой бранью, как с наследием рабства и неуважения к человеческому достоинству—своему и чужому, и т. д. и т. п.

Самое ценное в работе бытовых ядер и групп—это то, что они сейчас уже имеют свои твердые нормы поведения.

«Взялся за гуж—не говори, что не дюж»—это первое правило, которое устанавливают группы в своей работе. Каждое свое начинание группа должна довести до конца, а не бросать незаконченным.

Это воспитывает в ребятах настойчивость. Приучает их не бояться трудностей.

«Каждую деталь, каждую мелочь выполняй старательно, со всем вниманием и энергией»—это второе правило групп.

«В каждой работе покажи первый пример»—это третье, самое ценное, правило. Хочешь бороться с руганью или с пьянством, с курением, за то, чтобы утром и вечером мыли руки и чистили зубы,—покажи сам пример, иначе грош тебе цена. Поэтому вместе с ростом бытовых ядер и групп растет и число людей, приобретающих необходимые культурные навыки.

Было бы наивно думать, что работа бытовых ядер и групп ограничивается теми приемами, о которых мы рассказали выше. Уже сейчас работа бытовых ядер и групп выходит далеко за пределы организации досуга молодежи и борьбы с гримасами нашего быта.

Бытовые ядра и группы врезаются и в производственный процесс. По ленинградским и московским фабрикам по цехам формируются на добровольных началах ядра комсомольцев, *составляющие как бы ударную производственную группу*. Они никогда не опаздывают на работу, не прогуливают и не засиживаются в курилке. Они ведут упорную и систематическую борьбу с дезертирами трудового фронта. Они принимают живейшее участие в работе производственных совещаний. Они личным примером в своей производственной работе увлекают молодежь на борьбу с производственной распушенностью. *И это движение сейчас растет, как снежный ком, захватывая в свои ряды все новые и новые массы молодежи.*

Да разве можно исчерпать все возможности, все перспективы в работе, которые открываются перед бытовыми ядрами и группами?

Сейчас по СССР ходят пешком десятки и сотни молодых путешественников. Они ходят не из-за славы, а потому, что тянет их жажда знаний, заглянуть поближе в лицо жизни и понять его таким, какое оно есть на самом деле по бескрайним равнинам Советских республик. Они взбираются на вершины Кавказских гор, бродят по широким просторам украинских степей, жадно всматриваются в лицо каждого крестьянина, каждого рабочего, прислушиваются к их культурному росту, изучают настроения, быт, все, чем живут и дышат громадные массы людей, населяющих СССР.

А разве многие и многие из молодежи не мечтают использовать свой летний отпуск с котомкой за плечами под открытым небом, в лесу у костра, с удочкой на берегу реки, или съездить в Москву, Ленинград, на Волгу и т. д.?

А разве сейчас сотни и тысячи рабочего и крестьянского юношества не едут в Ленинград, в Москву к Ленину, посмотреть столу и кое-чему научиться?

Но вся беда здесь в том, что идут и едут *одиночками, неорганизовано* и переживают поэтому на своем пути ряд трудностей и ряд разочарований.

Стихийную тягу молодежи к путешествиям, к новым людям, к новым впечатлениям надо как следует организовать. *И в этом деле огромную роль должны сыграть бытовые группы и ядра*. Они должны на местах стать организаторами массового пролетарского туризма, *ибо узнать жизнь, исполнить знания, испытать силы* поможет нам массовый туризм. Мы к этому лозунгу «Комс. Правды» полностью присоединяемся.

Сейчас не каждому из нас известно общество юных натуралистов и не каждый знает, какое громадное общественное значение имеет работа кружков этого общества.

В Одесском округе кружки натуралистов повели борьбу с вредителями. И если в 1924 г. на одну десятину приходилось 72 норки грызунов, то сейчас только 9. По крестьянским полям юные натуралисты затравили сусликов на 150 десятинах. Это громадная работа, *большой общественной ценности*, ибо в степной, черноземной полосе СССР грызуны — бич сельского хозяйства.

В Брянске юные натуралисты составили календарь вредителей губернии. Они организовали борьбу с вредителями так, что огородники окраин города приходят в кружок и просят ребят заглянуть, что у них завелось на огороде.

В Москве на биостанции юные натуралисты, заставив курицу жить и питаться по НОТу, добились того, что курица вместо 60 яиц в год дает теперь 110. А пужно сказать, что 60 яиц в год дают только лучшие породы кур. На биостанции юных натуралистов, что было лучшим — стало средним, а что считалось невозможным, ребята сделали доступным каждому хозяину, каждой хозяйке.

Это факты из работы только нескольких кружков. А всего кружков свыше 500 с 18 тыс. членов, которые не только ведут борьбу с вредителями и заставляют простую курицу творить чудеса, но и изучают природу своего края, устраивают музеи, выставки, где знакомят посетителей с богатствами и особенностями своего района.

А между тем основной недостаток деятельности кружков юных натуралистов заключается в том, что *они почти не охватывают своей работой широкие массы рабоче-крестьянской молодежи*. Этим объясняется и тот факт, что об юных натуралистах мало кто знает из молодежи. И в то же время нет никакого сомнения в том, что значительные группы рабочего и крестьянского юношества живо интересуются естествознанием.

Есть среди них и хорошие натуралисты, но свою энергию они не знают — где и как можно использовать.

В движении юных натуралистов бытовые группы и ядра еще не принимают должного участия, а здесь для них непочатый край работы.

Бытовые ядра и группы широко привились пока только в Ленинграде. Опыт этого дела проникает сейчас и в Москву. Этого мало, слишком мало. Надо бытовые ядра и группы сделать достоянием всего союза и особенно его деревенских организаций.

Вот где надо взрывать плугом творческой самодеятельности масс целину культурной отсталости глухих уголков нашей советской деревни.

Не так давно специалист инженер Г. М. Михайлов прислал тов. Чаплину письмо с обращением о помощи со стороны союза делу мелиорации. Тов. Михайлов пишет в этом письме, какие громадные богатства таятся в наших болотах и трясинах, какое громадное количество земли гниет, пропадает без всякой пользы для рабочего государства. Эти богатства вовлекаются в хозяйственный оборот через мелиорацию. Но этот клад в руки даром не дается, надо к делу мелиорации умело подойти, надо понять его полезность и, самое главное — «вдохнуть в мелиоративное дело мощный творческий дух». *Этот мощный творческий дух должен вдохнуть в мелио-*

ративное дело наш союз в деревне. Здесь в этом деле больше, чем где бы то ни было, необходима тверческая инициатива масс. Здесь больше, чем где бы то ни было, огромную роль должны сыграть добровольные объединения деревенских комсомольцев, всемерно помогающих делу мелiorации и организующих на этой работе массы крестьянской молодежи и взрослого крестьянского населения.

Мы здесь очень бледными красками нарисовали перспективы дальнейшей работы бытовых ядер и групп, но уже из этого видно, какой размах должна принять эта работа и какое громадное культурное значение приобретает это движение для всей нашей советской общественности.

Куда бегут волны

Перед лицом этого громадного движения мы должны дать точный и ясный ответ, куда это движение уже сейчас идет, куда бегут его волны.

Может быть, самодеятельность масс захлестнула нас и идет дальше без руля и без ветрил? Может быть, кто-либо чужой уже правит лодкой? Может быть, мы напрасно обругали кое-кого паникерами в начале нашей статьи?

Присматриваясь ближе к работе бытовых ядер и групп, мы увидим, что в подавляющем большинстве во главе их, инициаторами всех начинаний групп являются члены бюро заводских коллективов, агитпропорганизаторы, вплоть до секретарей коллективов.

Наш комсомольский актив идет во главе культурного движения масс.

Это лучшая гарантия против всяких измышлений об опасностях на этом пути.

Это облегчает нам задачу строить ядра и группы вокруг агитпропкомиссий ячеек с тем, чтобы эти ядра и группы являлись базой для нашей культурно-бытовой работы в дальнейшем.

Это облегчает нам задачу руководства движением.

«Но направлять работу групп и ядер по верному руслу никоим образом нельзя в бюрократическом стремлении затопить эти ростки работы по-новому в бумажном потоке циркуляров и инструкций. Нужно чуткое и умелое руководство. Нужно глубокое внимание работе ядер и групп, тщательное собиpание их опыта и обмен этим опытом.»

Примером такого руководства может служить прекрасный почин М.-Нарвского райкома в Ленинграде, открывшего консультацию по работе бытовых ядер и групп и созвавшего на-днях совещание всех инициаторов культурно-бытовой работы по коллективам.

На этом совещании после долгого и серьезного обсуждения товарищи пришли к совершенно правильным выводам, что сейчас увязку культурничества и политики в союзе мы можем осуществлять, подымая постепенно уровень молодежи от вопросов культурно-бытового характера к вопросам политическим и хозяйственным.

Совещание подчеркнуло, что в этой работе мы заблудиться не можем, ибо у нас на руках верный компас—директивы XIV партсъезда, указывающие союзу нужный путь. «В условиях переживаемого момента, — читаем мы в резолюции XIV партсъезда о ра-

боте ВЛКСМ, — не может быть политического воспитания и политической роли в союзе вне и помимо его культурно-экономической работы в первую голову... Это вовсе не надо понимать в смысле уменьшения роли политики. Наоборот, политическое значение союза и его политическая классовая борьба должны получить еще большее развитие».

Иными словами, широко и правильно организованная культурная работа союза должна служить делу политического воспитания молодежи.

А этому делу в подавляющей своей массе сейчас и служат бытовые ядра и группы на ленинградских фабриках и заводах.

Волна культурного движения нас не захлестывает, а направляется нами по верному и глубокому руслу.

На ряду с этим надо поставить вопрос о методах работы бытовых ядер и групп. Очевидно, что работа их в дальнейшем будет строиться на принципах *здорового соревнования*. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует волна всевозможных конкурсов, прокатившаяся за последнее время по всему союзу.

Если, примерно, для хозяйственных органов конкурсы на лучшего производственника имеют ту ценность, что дают возможность выявить наилучшие способы и приемы работы отдельных товарищей с тем, чтобы применить этот опыт в деле рационализации промышленности; если для союза конкурсы на лучшего производственника имеют громадное значение хотя бы потому, что они поднимают интерес у молодежи к своей производственной работе, к своей квалификации, воспитывают у каждого молодого рабочего чувство уважения к своему труду и к своему заводу, — то для молодежи конкурсы на лучшего производственника превращаются в подлинный праздник труда, где массам молодежи открывается огромное поле деятельности для приложения своей энергии именно на принципах *здорового соревнования*.

Даже цеховые вечера самодеятельности, получившие широкое распространение в Ленинграде и Москве, зачастую строят свою программу на элементах соревнования, устраивают конкурсы на лучшего танцора, на лучшего балалаечника и т. д. Устраивают, наконец, конкурс на лучший цеховой вечер, дающий огромную зарядку энергии для молодежи всего завода. Посмотрите, с каким воодушевлением комсомольцы и молодежь трампарка имени Леонова в Ленинграде по своим цех'ячейкам готовились к этому конкурсу.

Здесь есть опасность такая, что эти соревнования, эта жажда творческой самодеятельности *может превратиться в индивидуализм*. Но эта опасность сейчас пока для нас исключена. Соревнование, — а в этом деле у нас уже большой опыт, — подтягивает боеспособность целого коллектива, целой массы людей, а это уже явление *здоровое и нам, безусловно, нужное*.

О паникерах и десертниках культурного фронта

Очевидно, мы не напрасно обругали паникеров в начале своей статьи. Было бы неверно думать, что паникерство на культурном фронте — явление очень и очень редкое. Тогда не стоило бы подымать большой шум. Беда наша в том, что паникеров-Рабиновичей сейчас много в союзе и это опасно, ибо они срывают нам дело оживления комсомольской работы, при каждом нашем новом шаге на всех перекрестках поднимая гвалт, что «переход на рельсы

культурнических форм работы грозит нам превращением из стального Ленинского Союза Молодежи в расхлябанную организацию мелкобуржуазного типа».

Тов. Бухарин нас неоднократно предупреждал, что «величайшая опасность, которая может быть перед людьми вашего поколения, заключается в том, что, укрепившись на определенном виде работы, вы можете растеряться, когда придется круто поворачивать».

Мы сейчас перестраиваемся, почти перестроились на новые рельсы работы и в этом для многих камень преткновения, здесь многие спотыкаются, не понимая хотя бы того простого факта, что нам нужно вырастить, воспитать такое поколение людей, которое по своему культурному уровню не только не отставало бы от старого поколения рабочих, но и превышало бы его на голову. *А для этого надо отказаться от многих диких привычек и навыков сегодняшнего дня, что невозможно без целой культурной революции.*

По сути дела паникеры нам предлагают сбежать с культурного фронта. Они испугались действительно больших трудностей на этом пути.

Здесь не только надо отучить людей плевать, где не следует, заставить их сморкаться в платок, а не в пальцы, менять чаще белье, ходить в баню, чистить зубы, уметь по-здоровому использовать свое свободное время, — не только это.

Надо переделывать, уничтожать с корнем огромные массы привычек, традиций, навыков старой буржуазной культуры, которая нам досталась в наследство от царистского государства, и в то же время давать что-то свое, новое, классовое, коммунистическое, иначе человек расхлябается, сядет на мель, иначе он, не облаченный в броню своей классовой культуры, своих классовых норм поведения, будет смят культурой, которую несет нам поднимающий голову торговец в городе и кулак — в деревне.

Эта работа перевоспитания, переделки идеологического вооружения немалыма без культурного подема, без творческой энергии и самостоятельности масс. Бежать с поля руководства этим культурным движением сейчас преступно. Это дезертирство. И за это надо т. Рабиновича и ниже с ним драть так же, как делает это «Комсомольская Правда» с дезертиром моряком, как это сделала стенгазета «Вагранка» завода «Кр. Пресня» в Москве с чемпионом прогульного фронта.

Против безрадостного «что делать дальше?»

Нам кажется—против чего, возможно, будут возражения—что в настоящий момент для союза исключена опасность неувязки культурно-экономической работы с политическим воспитанием масс молодежи. Эта опасность стоит перед нами далеко впереди и пока еще только теоретически.

Гораздо ближе и гораздо опаснее другое, которое заключается в том, что громадное культурное движение в массах молодежи может остановиться на полдороге. Кое-какие признаки такого разложения, усталости есть.

Сейчас все чаще и чаще и в личных разговорах, и в письмах местных работников слышатся такие нотки: «конкурс гармонистов провели, а дальше что? Бытовые группы работают, а что они

будут делать через полгода? Конкурс на лучшего производственника провели, а прогулы не снизились» и т. д., и т. п.

Движение развертывается, но это вовсе не означает, что актив нашего союза должен почить на лаврах. Иначе получится первая миниатюра из цикла «Люди» А. Безыменского:

Конкурс наборщиков! Радуйся!
 Шпарь!
 Куре на конкретности! Почетно!
 Полезно!
 Месяца два мозговал секретарь
 План и порядок шумихи помиезной.
 Речи. Плакаты. Оркестры. Парад.
 Речи. Концерт. Феерверк с карнавалом...
 Приз преподносят — вярда октябрат
 Пышность. Фасон. По минутам. Сигналам.

Начало, ничего хорошего не обещает, а конец...

В ночь секретарь накорябал отчет
 „Курс проведен“. Тут не то, что при
 старых...

И, защитись от работы на год,
 Снова заснул на своих циркулярах.

Есть ли у нас такая категория работников? К сожалению, есть и немало. Они провалят нам культурное движение, если вовремя их не обезвредить, *если мы кое-какие перспективы перед молодежью в области культурного движения не поставим.*

Все ли мы сделали, проведя конкурс гармонистов? Все ли сделано, если работают бытовые ядра и группы? Все ли сделано, если прошел конкурс на лучшего производственника? Нет, и тысячу раз нет.

Это только начало работы. Гармонь надо продвигать во все глухие уголки советской деревни и не с «цыганщиной» и «Ах зачем эта ночь!», а с нашим революционным репертуаром. А для этого надо мобилизовать наши лучшие музыкальные силы.

Конкурс на лучшего производственника. Праздник труда. Напряжение сил. Трудовое соревнование. А затем — те же прогулы, небрежное отношение к своей работе и к орудиям производства. Так не должно быть. Результаты конкурса необходимо закреплять упорной работой в производственных совещаниях, упорной работой по повышению квалификации молодежи, упорной работой в клубе, вокруг стенгазеты и т. д.

Во всех областях культурного движения у нас работы еще непочатый край. Это необходимо сейчас перед массами молодежи поставить и никоим образом не успокаиваться на достигнутом. Мы еще слишком мало сделали. Мы еще только начинаем как следует работать.

Вот почему для нас сейчас не действительна опасность захлестывания культурничеством. Об этом мы будем говорить и не раз спорить в дальнейшем. А сейчас действительная опасность заключается в том, что актив нашего союза может движение проспять, во-время не дав ему новую зарядку энергии, и кое-где его уже просыпают.

Бить тревогу по этому, конечно, не следует. Надо только решительно заявить: шире дорогу творческой самодеятельности масс молодежи! Внимательно и чутко руководить движением! Огонь не только по дезертирству с культурного фронта, но и в большей степени по преждевременной усталости и безрадостному «что делать дальше?!»

О характере безработицы среди молодежи и мерах борьбы с ней

О численности и составе безработицы

Несмотря на бурный рост промышленности и всего народного хозяйства страны, значительно увеличивший численность подростков, занятых в промышленности, безработица среди молодежи не только не уменьшается, но и, устойчиво сохраняясь, имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. Причины роста безработицы среди молодежи в стране при таком бурном процессе нарастания наемного труда во всех отраслях народного хозяйства страны кроются, главным образом, в том, что промышленность и другие отрасли народного хозяйства в ближайшее время не могут вобрать в себя всю вновь подрастающую и впервые предлагающую свой труд рабочую силу, и, в частности, в бурном росте народонаселения СССР.

Движение зарегистрированной на биржах труда молодежи указано в ниже приводимой таблице.

Движение безработной молодежи¹

Д а т а	Общее количество безработных, состоящих на учете 256 бирж труда СССР	В том числе подростков	
		абсолютн. число	в % к общ. числу безработн.
1 августа 25 г.	908.400	101.200	11,1
1 января 26 г.	951.200	116.000	12,2
1 апреля 26 г.	1.056.500	127.900	12,1
1 августа 26 г.	1.030.000	135.700	13,2

Из таблицы видно, что рост безработицы среди молодежи увеличил общую численность зарегистрированных на биржах труда безработных подростков за год на 19.700 чел., или на 34%. Рост безработицы среди подростков наблюдался и ранее. Так, с 1-го октября 1923 г. по октябрь 1924 г. численность безработных подростков увеличилась на 33%, а с 1/X—24 г. по 1/X—25 г. — на 15%. Приведенные выше данные характеризуют общую численность и рост безработицы только среди тех кадров, которые зарегистрированы на бирже труда. Всего же в городах и городских поселениях не име-

¹ Данные взяты из материалов о положении раб. молодежи (к отчету ЦК в 1926—27 г.).

щих никакого занятия подростков, по данным НКТ, насчитывается не менее 1 миллиона.

В настоящее время, в частности, на недавно закончившемся всесоюзном экономсовещании у некоторых комсомольских работников по труду и образованию рабочей молодежи сложилось впечатление, будто бы увеличение численности безработных подростков, учтенных на биржах труда, происходит, главным образом, в результате аграрного перенаселения, в результате притока безработного молодняка в город из деревни. Такое определение возрастания безработицы среди молодежи является ошибочным, потому что кадры безработной молодежи пополняются преимущественно за счет естественного прироста подрастающего молодняка в самих городах. Данное нами определение состава безработных подростков подтверждается хотя бы даже происшедшим за последние 4 года увеличением численности населения в городах на 1,200 тыс. человек. Однако, исходя из того, что в происшедшем увеличении городского населения имеется немалая доля квалифицированной и полуквалифицированной рабочей силы, пришедшей в город в результате роста промышленности, данные об увеличении численности городского населения наиболее характерным показателем служить не могут; обратимся непосредственно к цифрам социального состава безработных подростков, учтенных по 24 биржам труда Украины.

По данным 24 бирж труда Украины зарегистрировано подростков по м-цам в 1926 г.¹

Зарегистрировано детей	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Всего за 5 м-цев
Рабочих	1282	1642	1647	1678	1762	8011
Служащих	304	497	389	510	527	2227
Крестьян	351	248	204	158	217	1278
Детдомов	89	455	188	157	275	1164
Безработных	268	421	289	356	547	1881
Прочих	278	556	475	609	583	2501
ВСЕГО	2572	3819	3192	3468	3911	17062

Эта табличка свидетельствует о том, что приток безработного молодняка (за 5 месяц.) из деревни по отношению к общей массе учтенных подростков составляет лишь 1278 чел., или 7,4%. Основным же кадром безработных подростков, учтенных по социальному положению по 24 биржам труда, являются дети рабочих и служащих, составляющие во всей массе безработной молодежи 72,5%.

Незначительность числа прибывающих безработных подростков в город из сельских местностей еще ничего не говорит о размерах безработицы в деревне и притоке безработных в города. В горо-

¹ Данные взяты из материалов НКТ УССР.

да безработная молодежь из деревни прибывает в значительно больших размерах, чем указано нами в приведенной табличке. Однако подростки, попадающие из деревни в город, остаются в городе сравнительно в небольшом количестве. Остальная же масса, в виду наличия громадной безработицы подростков в городах, не найдя себе работы, направляется обратно в деревню.

Таким образом, пока основным источником, питающим безработицу среди молодежи, является прирост населения городов и, следовательно, *безработица среди молодежи в основной своей массе пополяется не за счет аграрного перенаселения, а за счет естественного прироста городского молодняка.*

Характер безработицы и рынок труда среди подростков

Всем известно, что промышленность в период своего восстановительного процесса удовлетворяла свою потребность в квалифицированной рабочей силе, главным образом, за счет тех квалифицированных кадров, которые в годы гражданской войны и консервированного состояния промышленности были распылены. Лишь за последнее время, в результате развития промышленности и исчерпания источника безработной квалифицированной рабочей силы, увеличивается и будет развиваться потребность промышленности в новой квалифицированной рабочей силе, подготовка которой неизбежно вызовет *увеличение спроса на труд подростков.*

Застойный и тяжелый характер безработицы среди молодежи объясняется тем, что между ростом безработицы и потребностью промышленности в рабочей силе имеется расхождение. Госпромшленность за время восстановительного процесса, несмотря на гигантский рост наемной рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства, не могла быстро рассасывать безработицу среди молодежи. Это объясняется тем, что безработица, в основном питающаяся за счет роста новых кадров молодежи, носит характер преимущественно впервые предлагаемого труда. Из общей численности зарегистрированных на биржах труда подростков, работающих по найму, на 1 января 1926 г. было 9,9%, на 1 июля % их снизился до 9,3.

Отсутствие квалификации у подростков является одной из важнейших причин, тормозящих изживание безработицы среди них.

Это обстоятельство приводит к тому, что, несмотря на огромное увеличение численности занятой в производстве молодежи (с середины 1924 года к началу 1926 г. — в 1½ раза), безработица среди молодежи принимает застойный и тяжелый характер. О несоответствии потребности промышленности в наемной рабочей силе с ростом новых безработных кадров из молодежи и о тяжелом характере безработицы среди молодежи ярко свидетельствуют следующие данные о рынке труда подростков (см. табл. на 41 стр.).

Эта табличка показывает, что несмотря на прирост в 17 тыс. безработных подростков, на рынке труда был предъявлен спрос на 4350 человек, остальная же масса подростков вынуждена оставаться безработной.

То положение, что безработная молодежь слабо поддается классовому воспитанию, что среди некоторой части ее порождаются нездоровые настроения, направленные по антисоветскому руслу,

требует от комсомола принятия таких мер, которые бы борьбе с безработицей среди молодежи, вовлечению ее в производство, придали общественный характер и плановый порядок.

Рынок труда подростков (по данным 24 бирж труда Украины)

Дата	Зарегистриров. подростков	Заявлено спросу						Послано на работу						Осталось безработных подростков на конец отчетного м-ца
		По броне	По сверхброню	Кустарн. промышлен.	Школами профгипа	Прочим спросом	Всего	По броне	По сверхброню	Кустарн. промышлен.	В школы профгипа	По прочему спросу	Всего	
III—26 г.	2572	228	227	124	64	206	849	229	228	124	64	209	854	22267
IV— „	3819	203	283	108	22	481	1097	209	283	108	22	481	1703	23973
V— „	3192	191	184	117	12	245	749	189	204	117	12	264	786	24291
VI— „	3468	262	209	104	—	256	831	262	210	104	—	297	873	21728
VII— „	3911	162	368	76	9	217	832	162	368	76	9	251	866	22718
Итого	17062	1046	1271	529	107	1405	4358	1051	1293	529	107	1502	4486	22718

Одни органы труда справиться с этой задачей не смогут. Поэтому центральной проблемой работы союза в области борьбы с безработицей среди молодежи должно быть поставлено привлечение к этому делу общественного внимания и, в первую очередь, таких организаций, как профессиональные союзы и органы Наркомтруда. До сих пор, несмотря на ряд решений целого ряда общественных организаций об усилении борьбы с безработицей среди молодежи, соответствующих мер принято не было и работа эта проводилась без плана, была далеко неудовлетворительной.

Главное внимание комсомола, профсоюзов и органов НКТ в этой работе должно быть сосредоточено на развитии ученичества в кустарной промышленности, на расширении трудовой и материальной помощи безработным подросткам, в особенности на полном проведении норм брони подростков в производстве и на усилении контроля за выполнением ее, как основной и главнейшей формы борьбы с безработицей.

Броня и сверхброня — радикальные меры борьбы с безработицей

Броня подростков — это одно из основных и главнейших мероприятий в подготовке квалифицированной рабочей силы, основное средство вовлечения безработных подростков в производство, — за последнее время, в связи с тяжелым характером безработицы, подверглась некоторому обесуждению.

Ряд товарищей, учитывая рост безработицы молодежи и существующее невыполнение % брони до установленных норм, пытались определить значение брони, только как одной из основных

форм борьбы с безработицей», отмахиваясь этим самым определением от значения брони, как основного мероприятия в подготовке квалифицированной рабочей силы.

Давая такое совершенно одностороннее определение значения брони подростков, товарищи пытались доказать, что эта оценка является лучшим мероприятием более решительного вовлечения молодежи в производство.

Такой подход к бронированию подростков в производстве является неправильным и даже вредным с точки зрения состояния самой промышленности. Броня подростков, установленная в период острой безработицы среди молодежи, в последние годы приняла характер планового воспроизводства рабочей силы. Больше того, что требуется для промышленности, вовлечь в производство подростков мы не сможем. Перегиб палки в сторону вовлечения подростков в производство без учета потребности промышленности неизбежно привел бы к срыву плановой подготовки квалифицированной рабочей силы для промышленности и худшему влиянию на социалистическое накопление для дальнейшего строительства крупной промышленности, расширение которой и является основной и наиболее радикальной мерой борьбы с безработицей. Такое положение требует определения значения брони не только как одной из основных мер борьбы с безработицей среди молодежи, но и, главным образом, как одного из важнейших мероприятий по подготовке квалифицированной рабочей силы.

За последние два года падение % брони подростков в производстве держится на одном уровне. Несмотря на стабильность брони и укрепление устойчивости подростков в производстве, % брони остается до сих пор невыполненным. Вместо полагающихся по закону по всем отраслям промышленности 7% брони выполнено всего лишь 5,7%. 24.000 рабочих подростков не вовлечены в производство, вопреки установленному закону. Если же принять в расчет число переростков, невыводимых своевременно на самостоятельную работу в последние годы, то получится цифра в 59.000 человек.

Такое огромное число незабронированных подростков обясняется не только нежеланием (вследствие недооценки значения брони) хозяйственников своевременно заполнить полагающийся по закону % брони подростков и временными затруднениями последнего года в некоторых отраслях промышленности, но и тем, что комсомольские ячейки до сих пор не умеют правильно через профсоюз регулировать вовлечение молодежи в производство. Дальнейший рост нашей промышленности и всего народного хозяйства, вступивший в полосу нового строительства, будет значительно замедленным, но более равномерным. По данным контрольных цифр Госплана в 1926—27 г. потребность в квалифицированной рабочей силе по планированной промышленности определяется в 150.000 человек.

Удовлетворение потребности промышленности в квалифицированной рабочей силе в предстоящий строительный период, в связи с уменьшением численности безработицы квалифицированной рабочей силы на рынке труда, будет идти, главным образом, за счет подготовки новых квалифицированных кадров из молодежи.

Поэтому значение брони в предстоящий период еще больше повышается, и на ее проведение, как основной формы борьбы с безработицей, комсомол должен обратить самое серьезное внимание.

Учитывая несоответствие подготовки квалифицированной рабочей силы с потребностью промышленности, устраняя неточность в вопросах брони (переростки в броне и т. д.), комсомол совместно с профсоюзами и органами НКТ через систематическую проверку распределения брони подростков по цехам должен добиться более организованной и плановой работы по бронированию подростков в производстве. С этой целью необходимо установить периодическую проверку брони, увязывая ее с началом хозяйственного года, с моментом перезаключения колдоговоров и с новым набором подростков в школы ФЗУ.

Особенное внимание следует обратить на скорейший вывод переростков из брони. Это отрицательное явление, влияющее на весь ход проведения брони, требует со стороны ячеек союза и фабзавкомов принятия ряда решительных мер. Накопление переростков в броне, получивших квалификацию, объясняется не тем, что их невозможно разместить на самостоятельные работы, а тем, что на этой стороне практической работы до сих пор не было уделено достаточного внимания и не было введено в практику работы таких предупредительных мер, как правильное регулирование при приеме в производство возрастного состава подростков, рациональное размещение подростков по цехам и т. п.

Устранение этих недостатков, установление более жесткого контроля и наблюдения за выполнением брони со стороны профсоюзов и введение таких мероприятий, как своевременное (м-па за 2—3) закрепление за подростками соответствующего количества штатных единиц рабочего состава в производстве, явятся лучшей гарантией полного заполнения брони подростков и реальной, практической меры борьбы с безработицей среди подростков.

Особенное значение в деле борьбы с безработицей приобретает задача дальнейшего вовлечения молодежи в производство по сверхброне. Значение сверхброни повышается в особенности в деле борьбы с безработицей среди старших возрастов подростков и молодежи старше 18 лет. Развитие ученичества по сверхброне за последний период по отдельным районам начало ослабевать. Это ослабление объясняется тем, что по ряду предприятий еще не заполнена полностью броня подростков, недостаточен контингент получающих пособие по безработице и т. д. На основе этого на местах пытались делать вывод, что промышленность подростками насыщена сполна и что поэтому сверхброню проводить не следует.

То положение, что сверхброня, получившая в ряде районов массовое развитие и достигшая вовлечения молодежи в производство к началу 1926 г. более 15.000 человек, говорит обратное, говорит за то, что возможности для проведения сверхброни в ряде районов не исчерпаны и при усилении местных организаций комсомола и органов НКТ по сверхброне могут быть вовлечены еще значительные кадры безработной молодежи в производства. Проводя в дальнейшем расширение круга посылаемой молодежи в производство по сверхброне, следует обратить внимание на развитие и улучшение работы комсомола и отделов труда по выявлению спроса и возможности проведения сверхброни. Некоторые комсомольские организации к проведению сверхброни подходят формально и не всегда считают с желанием хозяйственных органов применять сверхброню. Например, «в Курской губернии постановлением губисполкома была дана разверстка предприятиям в обязательном порядке принять определенное число подростков по сверхброне». От

принудительного проведения сверхброни следует решительно отказаться, так как в нашем понятии сверхброня для хозяйственных организаций является необязательной. Но этот отказ вовсе не означает отказа от проведения сверхброни. Комсомольские организации, профсоюзы и органы НКТ через посылку молодежи в производство по сверхброню, на основе имеющегося опыта, выявляя потребность и спрос промышленности в квалифицированной рабочей силе, должны стремиться к большему вовлечению безработной молодежи в производство.

Таковы основные пути и мероприятия в деле борьбы с безработицей среди молодежи.

О трудовой и материальной помощи безработным подросткам

Однако, кроме этих основных мероприятий по борьбе с безработицей среди молодежи, следует сосредоточить внимание и на расширении трудовой и материальной помощи безработной молодежи.

Развитие трудовой помощи безработным подросткам, т. е. расширение круга вовлекаемой молодежи в трудовые и производственные коллективы безработных и на общественные работы, в настоящей полосе строительного периода Союза приобретает исключительно важное практическое значение.

Развитие строительства в нашей стране принимает гигантский размах. Развивающаяся сеть коллективов безработных в настоящее время насчитывает занятой в ней наемной рабочей силы до 80—90 тысяч человек. Кроме этого, важно подчеркнуть тот факт, что в общем числе коллективов безработных имеется до 40% коллективов производственного типа. *Наличие такого числа производственных коллективов приобретает значение не только с точки зрения борьбы с безработицей среди молодежи, но и с точки зрения возможности организации в них производственного обучения безработного юношества.*

Несмотря на все эти благоприятные предпосылки, вовлечению молодежи в коллективы безработных соответствующего внимания уделено не было. Количество подростков в трудовых коллективах остается далеко незначительным, а директивы Наркомтруда о 10% вовлечении молодежи в коллективы остались в 1926 г. невыполненными.

Лучшим доказательством слабости нашей работы по вовлечению молодежи в коллективы являются приводимые нами цифры о численности подростков в трудколлективах в % отношении ко всей занятой в коллективах рабочей силе:

На 1 октября 1925 г. % подростков в трудколлективах составл.	5,3
На 1 января 1926 г. " " " "	5,5
На 1 апреля 1926 г. " " " "	5,8
На 1 октября 1926 г. " " " "	6,1

Слабое вовлечение молодежи в производственные и трудовые коллективы объясняется главным образом тем, что мы не умели своевременно выдвигать вопросы перед соответствующими органами. Наши организации в результате некоторого ослабления работы комсомола на биржах труда иногда выставляют вопрос перед органами НКТ о вовлечении подростков в трудовые коллективы и на обще-

ственные работы тогда, когда коллективы уже укомплектованы необходимой рабочей силой. Такие факты являются лучшим показателем небрежного и халатного отношения к борьбе с безработицей среди молодежи.

В дальнейшем, всячески изживая существующие недостатки в этой отрасли борьбы с безработицей, необходимо добиваться более широкого охвата безработных подростков трудовыми коллективами. Этой работе особенным подспорьем должно явиться практическое проведение в жизнь решений последнего всесоюзного экономсовета о обязательном вовлечении подростков в трудовые и производственные коллективы и о том %, какой они составляют к общему числу безработных, зарегистрированных на бирже труда.

Отпускаемые средства специально на организацию производственных трудовых коллективов из безработной молодежи некоторыми организациями полностью (а иногда совсем) не используются. Существующая небольшая сеть производственных мастерских-домов подростков себя далеко полностью не оправдала.

Существующую небольшую сеть производственных мастерских-домов подростков необходимо реорганизовать в коллективы из безработной молодежи. Отпускаемые средства НКТ на безработицу молодежи следует обязательно (и полностью) использовать на дальнейшее расширение сети коллективов из безработной молодежи, обратив при этом серьезнейшее внимание на то, чтобы подростки в коллективах, наряду с трудовой помощью, обучались той или иной квалификации.

Тяжелый характер безработицы среди молодежи, ее материальная необеспеченность выдвинули перед комсомолом и органами НКТ задачу расширения круга страхуемых по безработице подростков. Мы уже имеем некоторые проблески настойчивых требований со стороны местных организаций о расширении круга страхуемых по безработице подростков. Некоторые комсомольские организации уже добились на местах согласия профсоюзов и органов социального страхования о необходимости расширения круга подростков, получающих пособие по безработице. Комсомол в ближайшее время должен добиться от профессиональных союзов и других соответствующих организаций расширения круга безработных подростков, получающих пособие по безработице. Этого требует действительное положение безработных подростков. В настоящее время из общей массы безработных подростков (134 тысячи) пособием по безработице удовлетворено лишь 15—16 тысяч. Эта цифра явно не соответствует потребности в пособии даже наиболее нуждающейся части подростков. Об этом красноречиво говорят сами цифры о материальной нуждеемости—приводимые нами ниже (см. табл. на стр. 46).

Эта табличка, характеризующая безработицу среди молодежи основных промышленных округов Украины, свидетельствует о том, что из общей массы 18.847 безработных подростков подростков без родителей и с родителями-безработными и пенсионерами числится на бирже труда 3.334 человека. Эта цифра, составляющая ко всей безработной массе подростков 17%, включает в себя только категорию наиболее нуждающихся подростков. Сюда не входят подростки, живущие в больших семьях, единственные кормильцы и т. д.

Материальная нуждеемость безработных подростков требует быстрого разрешения вопроса о расширении круга получающих

Распределение безработных подростков по социальному положению на 1 января 1926 г. по данным 7 бирж труда Украины

(Подростки, не работавшие по найму)

Наименование окружных бирж труда	Количество безработных подростков						Всего
	Без родителей	Имеют, родит. работающих по найму	Имеют, родит. не работающих по найму	Имеют, безработных родителей	Имеют, род. — пенсионеров	Нет сведений о родителях	
Харьковская	115	1984	326	42	96	1272	3835
Киевская	185	1999	439	106	132	692	3553
Одесская	1528	4856	193	—	—	—	6577
Екатеринославская	325	1867	202	—	—	—	2394
Луганская	322	662	51	—	—	—	1035
Кременчугская	329	363	148	44	26	367	1277
Марвупольская	20	61	16	50	4	25	176
Итого по 7-ми бирж труда	2824	11775	1385	252	258	2356	18847

пособие по безработице. Именно исходя из учета материальной нуждемости безработных подростков необходимо курс, взятый профсоюзами на расширение круга обеспечиваемых пособием по безработице, распространить и на молодежь.

О порядке найма подростков и контроле над выполнением норм брони подростков

С переходом на новые начала регулирования рынка труда биржи труда, постепенно улучшающие выполнение своих обязанностей трудового посредника, в значительной мере ослабили работу по упорядочению найма подростков.

В результате перехода к найму рабочей силы помимо б. труда в деле регулирования рынка труда подростков мы имеем ряд вопиющих ненормальностей. Эти ненормальности заключаются не только в срыве обязательного найма рабочих подростков через б. труда, но и в развитии протекционизма, кумовства и т. д., ведущих к ухудшению положения наиболее нуждающихся подростков. Последнему в особенности способствует линия на вовлечение в производство в первую очередь детей рабочих, иногда находящих в наиболее лучших материальных условиях, чем, скажем, безработные подростки-одиночки, подростки из детдомов и т. п.

Этому надо положить конец. Линия профсоюзов о первоочередном приеме в производство детей рабочих вовсе не направлена к тому, чтобы ухудшить и без того тяжелое экономическое положение подростков, «не имеющих связи» с фабрикой или заводом. Однако,

непонимание в некоторых местах этого положения приводит к тому, что регулирование вовлечения молодежи в производство проводится без учета нуждаемости безработного подростка и ведет к неизбежному ухудшению положения всей наиболее нуждающейся группы безработных подростков, состоящих на учете б. труда.

Одним из главнейших и необходимейших средств правильно-го регулирования рынка труда подростков является введение обязательного найма подростков через б. труда. Если имеется возможность отказать (что уже сделано и проводится в жизнь с 1925 г.) от обязательного найма через б. труда взрослой рабочей силы, то для подростков это мероприятие не годится, и в первую очередь потому, что труд подростков, применяемый с целью подготовки новой квалифицированной рабочей силы, всегда в состоянии удовлетворить необходимую потребность в нем всех отраслей промышленности. Однако, несмотря на это, в течение последнего времени наем подростков через б. труда хотя и увеличивается, но далеко не совсем способствует делу регулирования рынка труда подростков. Это подтверждает предлагаемая вниманию читателя табличка.

Численность подростков, посылаемых в производство помимо и через биржи труда в 1925 — 26 г.

ДАТА	Послано подростков в производство в % отношении	
	Через биржи труда	Помимо бирж труда
В октябре 1925 г.	22,1	87,9
„ ноябре „	24,6	75,4
„ декабре „	32,4	67,6
В январе 1926 г.	39,1	60,9
„ феврале „	38,5	61,5
„ марте „	45,1	54,9
„ мае „	40,5	59,5

Эти данные, свидетельствующие о явном нарушении правил посылки подростков через б. труда и являющиеся предпосылкой к развитию кумовства и протекционизма, со всей настойчивостью требуют установления обязательного найма подростков через б. труда. Там же, где б. труда нет, регулирование приема подростков в производство должно остаться при участии комсомола за профсоюзами.

Задача осуществления обязательного найма подростков через б. труда требует со стороны органов НКТ и профсоюзов установления широкого контроля. Это необходимо потому, что в практике работы (несмотря на узаконение в 1924 г. обязательного найма подростков через б. труда) в отдельных республиках мы имеем слу-

чаи срыва законодательства. На закончившемся всесоюзном совещании экономрабочников ВЛКСМ тов. Чертов в подтверждение этого привел следующий факт: «мы на Украине провели это (обязательно набирать через б. труда—В. З.) через Совнарком и дали директивы местным организациями о том, что подростки должны обязательно набираться через б. труда. Но вот передо мною пара цифр о том, как набираются подростки помимо б. труда. В 2-х кварталах 1926 г. по 41 округу во время найма раб. силы имеем 63,5% набора помимо б. труда».

Поэтому нужно со стороны органов НКТ и профессиональных союзов установить более строгий контроль за посылкой молодежи в производство. Необходимость полного заполнения % брони во всех отраслях промышленности и оказание материально-трудовой помощи безработной молодежи требует от комсомола значительного оживления и улучшения работы секции подростков при б. труда. Кроме этого, борьба с безработицей среди молодежи требует энергичной деятельности и комитетов ВЛКСМ. Комсомольские комитеты в повседневной работе *должны быть в курсе всех мероприятий*, намечаемых органами НКТ и профсоюзами в деле борьбы с безработицей, они должны своевременно выдвигать перед ними мероприятия по борьбе с безработицей среди молодежи.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ

Герих Б—н

Эпоха великого дела

(О „малых делах“ и борьбе за социализм)

О политическом сознании класса и погрешностях в системе воспитания и руководства

Иногда говорят, что у нас «эпоха малых дел». Это неверно. Есть одно великое дело — наша цель, социализм. Есть, затем, средства — многие, большие и огромные дела. Есть, наконец, малые и вовсе мелкие дела. Но эпохи малых дел — такой эпохи нет.

Вопрос, однако, не в том, велика ли наша эпоха, и даже не в том, что это величие заключается не только в «цели», но и во многих «средствах»: *вопрос в том, чтобы это объективное величие эпохи нашло субъективное отражение в сознании масс и ее авангардов.*

Этот вопрос и есть тема настоящей статьи.

Возможен ли разрыв между объективной действительностью и субъективным восприятием ее?

В истории такой разрыв бывал не раз. Наблюдаем мы его и в нашу эпоху. Но разрывы эти могут быть качественно различные: *вопрос в том, когда происходит разрыв—до революции или после революции.*

Так, напр., одно дело, если в Германии или Англии капитализм вполне «созрел» для революции, но сознание пролетариата отстало от этого развития: это тормозит революцию, но рано или поздно скачок из количества в качество произойдет не только в объективной действительности, но и в сознании класса, — тогда класс сделает свой прыжок: полностью отразив, наконец, в своем сознании действительность, класс методами революционного насилия изменит эту действительность.

Но было бы совсем другое дело, если бы наш (СССР) рабочий класс теперь, *после* революционного прыжка, не сумел отразить в своем сознании объективное содержание эпохи, познав ее социалистическую целеустремленность. Если бы случилось так, то это и означало бы, что создание класса деградирует—не только отстает от эпохи, но и «развивается» в противоположном ей направлении (ибо деградация тоже есть, ведь, «развитие»). К чему бы это привело?—К гибели. Ибо это «объективное» развитие эпохи идет, ведь, не «само собой». Пролетариат и есть демиург (творец) этой эпохи. И если бы его сознание стало откатываться назад, то и объективное направление эпохи изменилось бы: либо переродился бы сам пролетариат (или его авангарды), либо в разрыв, в щель между эпохой и сознанием правящего класса вторглись бы силы классов-врагов. Ибо тот, чье сознание оторвалось от действительности, не может жить и, во всяком случае, не может руководить.

Если класс и его авангарды познают величие эпохи, это значит, что поднимается *политическое* сознание класса. Политика есть совокупность действий, направленных в интересах данного класса. А так как действию предшествует сознание (возникшее из реальных общественных отношений), то политика есть и *совокупность идей*. И, следовательно, вопрос о субъективном познании цели, стоящей перед классом, имеет громаднейшее значение для всех его действий, его политики, его победы.

Вопрос о *цели* ребром стоит перед классом. У класса есть об'ективная цель: социализм. Познавая ее, он делает эту цель достоянием своего сознания. Без этого он не мог бы бороться, и «малые дела» были бы хаотичной и бессмысленной суетней.

Политическое сознание, скрепленное теорией — вот оружие, без которого мы не могли бы ни бороться, ни творить. И здесь есть зияющие провалы.

Вдумаемся, например, в следующий факт. Речь идет о Ленинграде («Комс. Правда», № 8—494):

«Есть в нашем вузе (в Политехническом институте.—Г. Б.) «студенты-академики». Им не нужно ни собраний, ни общественной работы. 24 часа сидят за справочником, в чертежной, на занятиях в группе. Всегда говорят, что готовят зачет. Уговаривают других: «да бросьте вы всю вашу общественную работу! Ведь она впустую, ни к чему. Лучше занимайтесь математикой, физикой». По мнению этих ребят, нужно забыть гвоздями всякие клубы, красные уголки, общественные организации».

Когда эти студенты станут инженерами, смогут ли они сознательно строить социализм? Нет, не смогут, ибо социализм и путь к нему — индустриализация — есть не простое нагромождение машин, а классово-сознательное осуществление стройного социалистического плана, т.-е. плана, в котором реальная действительность, во-первых, анализируется и обобщается марксистской теорией и, во-вторых, сочетается с классовой борьбой. Осуществлять такой план могут лишь те, кто проникся политическим сознанием класса. А эти «политехники» будут в лучшем случае наемниками.

Здесь мы видим разрыв «малых дел» (в данном случае учебы) не только с политической теорией, но и со всей политической жизнью класса. Эту опасность преувидел Ленин, неоднократно указывая молодежи и, в особенности, комсомолу, что наша учеба должна быть *всегда* связана с *борьбой* трудящихся, т.-е. с их *политической* жизнью и политическим сознанием.

Мы привели примеры из жизни учащихся. Имеется ли частичный отход от политики и среди рабочих? Вряд ли можно было бы этот факт оспаривать.

На одной из крупнейших фабрик Москвы, где на 8 тысяч рабочих — около 1200 комсомольцев, по какому-то очень важному вопросу понадобилось созвать общее собрание. В первый раз пришло 200. Второй раз — столько же. Наконец, было назначено «окончательное» собрание: тогда пришло... 70 человек! Из 1200! И ведь это комсомольцы, авангард, в столице.

Общезвестно, какой значительный процент молодых рабочих с головой окунается в вопросы поднятия заработка, квалификации и т. п., совершенно при этом забывая и о политической теории, и о политической работе. «Зачем тебе квалификация?». — «Чтобы больше зарабатывать». Это — распространеннейший ответ. Очень хорошо, если у рабочего растут потребности, если он стремится к

лучшей жизни и, стало-быть, к заработку. Очень плохо, если погоня за квалификацией стимулируется *только* вопросами заработка. Тут и цель (заработок), и средство (стоцентное «ухлопыванье» рабочего времени и досуга на поднятие квалификации) целиком поглощают человека, не оставляя ни места, ни времени, ни охоты на политическую жизнь. — Бросьте всю эту общественность! — говорит «академик»-студент. И в один тон вторят ему многие рабочие, в том числе комсомольцы (а нередко и коммунисты): что мне политика, общественность, ячейка, — от них, как от козла молока, а тут я заработок получу...

Такие настроения проникают нередко и в «актив». Больше того: иногда именно «актив» и подает развращающий пример, используя свое положение для личных выгод и в то же время — оставаясь на посту — не выполняя своих общественных, политических обязанностей.

* * *

Не рискуем ли мы оказаться перед опасностью снижения политического сознания части класса и его авангардов? Что может способствовать такому снижению?

«Объективные обстоятельства»? Вряд ли. Победная революция подняла на ноги многомиллионные массы и дала неисчерпаемый заряд политической энергии. Ведь революция не была эпизодом, а исходной точкой целой революционной эпохи. Мы строим социализм — *революция развивается*. Мы считаем, что «стабилизация» капитализма вокруг нас есть явление временное (и даже кратковременное), неустойчивое, постоянно потрясаемое усиливающимися взрывами (английская стачка, Китай и т. д.): *революция развивается*.

«Заряд» велик. Вопрос в том, чтобы этот заряд революционной энергии перевести в действующую силу — в том, чтобы дать достаточный выход политической энергии класса и его авангардов. Иными словами, задача состоит в устранении тех погрешностей руководства, которые этот выход преграждают или сужают.

Если студент говорит: общественность работает «впустую»; если из 1200 комсомольцев тысяча, т. е. 5/6, не идет на собрание, калачом не заманишь, то что это значит? Значит ли это, что нужно обвинить в чем-либо только этого студента и эту тысячу? Нет, это было бы невероятным самодовольством и ханжеством.

Беда (и вина) именно в том, что *действительно* общественность работает иногда «впустую». На производственном совещании рабочие, которых звали «проявить активность», принимают деловую и полезную резолюцию, — заводоуправление кладет резолюцию в ящик, и массовая активность *пропала зря*. Заседает секция совета (одна из основных точек приложения политической энергии масс), что-то обсуждает, что-то решает, но заведующий соответствующим отделом совета «с высокого дерева чихает» на все это, — опять массовая политическая энергия пропала зря. Вот, например, факты, взятые из *одного* № «Правды» (№ 15—3547): в *Иваново-Вознесенске* собрания советских секций не посещают ответственные работники губернии (члены секции); секция здравоохранения *Ижевского* совета констатирует: «...Вследствие непосещения собраний заведующим обздравотделом, не было фактического руководства секций и увязки ее работы с обздравом»; в *Рыбинске* секцию наробраза не «посещают» прикрепленные к ней *члены президиума* горсовета.

«Правда» резюмирует: «Ничто так не отбивает охоту к работе, как невнимательное отношение к предложениям, проработанным секциями».

Вопрос, однако, еще в том, что руководители советов представляют секциям «решать» одни мелочи, да и то не давая вникать в глубь вопроса. Здесь виновны именно погрешности руководства. Иначе невозможны были бы такие факты (тот же № «Правды»).

Секции *Краснодарского* горсовета «вместо живой исследовательской работы занимались заслушиванием докладов заведующих отделами и вынесением резолюций по этим докладам, притом резолюций, никого и ни к чему не обязывающих (далее приводятся образчики резолюций двух секций.—Г.Б.)... Работа и постановления большинства других секций этого совета также нежизненны и никчемны».

Убийственная характеристика! И ведь речь идет о таких крупных промышленно-пролетарских центрах, как Иваново-Вознесенск, Ижевск, об административном центре Кубанско-Черноморской области (Краснодар). В январе в «Комсомольской Правде» напечатано сообщение из *Ленинграда*: обследование работы 250 комсомольцев—членов советов (губернского и районных) дало картину почти стопроцентной... пассивности!

Не бывает ли нечто подобное и в комсомольских ячейках? Ячейка обсудит, решит и—точка. Машина руководства продолжает двигаться «сама по себе». А где же остались предложения и решения ячейки? В протоколе остались...

Да, верно,—«ничто так не отбивает охоту». Кому же охота «проявлять активность» на холостом ходу, вращать тяжелый жернов, если он ничего не перемальвает, рубить топором по пустому месту?

И где и когда политическая активность пропадает зря, там и тогда неизбежно пропадает охота и теорией заниматься, и на собрания ходить, там неизбежен отход от политики,—там, короче говоря, снижается политическое сознание данных отрядов класса и его авангарда. Но это снижение сознания, в свою очередь, влияет на дальнейшее снижение практической реализации этого сознания, т. е. ведет к дальнейшему снижению политической активности.

Так, благодаря изьямам руководства, заводится порочный круг,—круг этот беспрерывно суживается, пока, наконец, не сливается со своим центром. Тогда остается один этот центр, одна точка: «малые дела», не освещенные политической мыслью,—средства, оторванные от цели,—пролетарии, отходящие от политическоего сознания, политической работы, политической борьбы своего класса. Рабочий класс в целом далек от такой участи. Но нужно нещадно изгонять все и всех, что и кто «помогают» ему к ней приблизиться.

* * *

Однако, вопрос не ограничивается теми погрешностями руководства, которые проявляются в процессе массовой работы в ячейках, в советах и т. д. Погрешности эти распространяются шире: на ту область руководства, которая именуется воспитанием и просвещением.

Беда не всегда приходит без вины. Кто же виноват в «обидях», которые терпит у нас политическая теория, кто виноват в том, что, несмотря на громадные средства, загоняемые в дело по-

литического просвещения, в книжное дело, несмотря на никогда и нигде в мире невиданный дождь беспрерывно выпускаемой политической литературы,—политическое просвещение все-таки сплошь да рядом не достигает цели, т. е. не ведет к доподлинному овладению политической теорией?

В этом повинны, главным образом, казенщина и «дешевка» (это, впрочем, родные сестры).¹

Товарищ Радек, а за ним и другие уже заговорили вслух об этой дешевке. В чем отличительное свойство дешевки? В том, что она дает «воспитываемому» и «просвещаемому» лоскутья, отрешья знания, но не само знание; в том, что она скользит по поверхности сама — и поэтому не заставляет и читателя (или слушателя, ученика и т. д.) пробиваться сквозь поверхность к недрам, истокам знания; в том, наконец, что дешевка, благодаря этим своим «качествам», не может заставить человека самостоятельно мыслить, самостоятельно анализировать и обобщать, а, напротив, стремится дать ему *готовенькое* мнимо-научное «блюдо».

Читателю подсовывают, например, сборник цитат «из Ленина». Ты хочешь знать Ленина? Получи сборник цитат! Нет, извините, сборник ленинских цитат, это — не Ленин. *И это не ленински*. Марксизм-ленинизм не в том состоит, чтобы вырывать частности из общей цепи фактов, действительности, теории. Это — не марксистский, не ленинский *метод* изучения и воспитания. Это — «метод» дешевки.

Но, скажут, такой сборник «удобен». Правда, удобен. Но для чего? Он очень «удобен» для кое-каких «активистов», чтобы наспех приготовить «докладаец»; он «удобен» для того, чтобы «подзубрить» «ленинизм» перед экзаменом... Ильич не похвалил бы за такие «удобства»!

Никакой нужды в сборниках цитат нет. Если хочешь узнать мнение Ленина по какому-либо вопросу, возьми указатель, «Путеводитель» по сочинениям Ленина, — и там, в этих сочинениях, в книге, речи, статье самого Ленина ищи и его мнение, и цитату (когда она нужна по сути делаемой тобой работы). В этом случае цитата не будет выхвачена, ты будешь знать, когда, почему, в каких условиях Ленин писал.

Сборники же цитат выпускаются «умными» издательствами ради прибыли. Но прибыль ожидается потому, что есть спрос. А спрос есть из-за погрешностей воспитания и просвещения, т. е. руководства. За доказательствами недалеко ходить. Вот вам, напр., руководитель одного марксистского кружка (в Москве). Сей воспитатель юношества рекомендует слушателям: «Если вы пишете статью и хотите чтобы она была веской, обязательно приведите цитату из Ленина». В другом случае один из (далеко не рядовых) сотрудников высшего политико-просветительного органа республики о Советской власти, чтобы не только было изложено учение Ленина (вполне законное требование), но чтобы в брошюре было *обязательно не менее десяти* цитат «из Ленина». Чем не «созидатели» спроса на книги, отучающие самостоятельно искать и находить «цитату» (т. е. ступок ленинских идей), вообще отучающие самостоятельно мыслить и, значит, развращающие?!

¹Повятно, под «дешевкой» мы разумеем не денежную цену, а качество.

Примеры можно бы умножать «до без конца». И то же можно сказать о множестве популярных, полу и четверть популярных «политграмотных» книжек, которые специально составляются с таким расчетом, чтобы читатель проникся иллюзией, будто, прочтя эту книжку или пяток ей подобных, он уже постиг всю возможную премудрость. Зачем читать Ленина, когда его уже «раз'яснили» (разбазарили) со всех сторон? Зачем, тем более, читать противников марксизма-ленинизма, когда и без того «все» (якобы) «раз'яснено» — безапелляционным тоном раз'яснено — в этих книжках?

Я не знаю, как преподают политические науки в наших высших учебных заведениях. Надо надеяться, что там, если, скажем, изучают полемику Бухарина с «австрийской» школой, то рекомендуют почитать, например, Бем-Баверка (хотя по ленинградскому «академику» из Политехнического института этого не заключишь). Но для более рядовых людей — в том числе и для «средняков-активистов» — такой роскоши не полагается. Неужели непонятно, что, если воспитаннику таких воспитателей доведется когда-нибудь в мало-мальски теоретическом споре столкнуться с социал-демократом, то эсдек в 10 минут осрамит «политграмотного», сдавшего все экзамены (или на собраниях делающего доклады по сборникам цитат), самонадеянно-невежественного (разнесчастного!) выкорыща (или жертву) этого «мудрого» воспитания?

В старину, говорят, не так учились. В старину от каждого требовалось (жизнь, борьба требовала), чтобы он, действительно, «грыз зубами гранит науки», именно гранит, а не киселек. Разве на киселе навостришь зубы, мысль? «Грызть», это значит — к любой идее, к любой теории (в том числе и теории своего класса или своей организации) подходить *критически*. «Не верь на слово!» — говорил Ленин массам. «Не пересаживай себе в мозг готовенькую теорию, проверяй ее на своем опыте, овладевай ее критически!» — говорил Ленин молодежи.

И когда человек критически изучит, когда он передумает, выстрадает идею, тогда он будет всем утром чувствовать, что это *его* идея, *его* теория, она будет ему дорога, *он будет за нее драться* — и уж, поверьте, не скажет, что политическая наука «сучина».

... Но тут за дешевку вступается ее сестра, казенщина, бюрократия. Позвольте! Что значит «критически»? Что значит «самостоятельно»? Например, в одном — тоже марксистском — кружке его участники хотели разобрать какую-то книгу, программой не предусмотренную. Руководитель не пошел навстречу этому желанию: разве можно заниматься чем-либо, «не утвержденным» соответствующим аппаратом? Правда, и среди самих слушателей нашелся один, согласный с руководителем: секретарь ячейки. Он же не может потерпеть смутнения умов среди вверенных ему малых сих... Правда, дело шло, кажется, о книге т. Преображенского («Новая экономика»). Но, во-первых, книга издана Коммунистической Академией и вероятно, для того, чтобы ее обсуждали; во-вторых, сам руководитель говорил в кружке об «ошибочных теориях» т. Преображенского — не раз'ясняя, однако, в чем именно дело, несмотря на требования слушателей; в-третьих, автор данной статьи (неважно, каких политических мнений он сам придерживается) может со своей стороны спросить такого руководителя: как же вы думаете всерьез вести идейный поединок с единомышленниками т. Преображенского, не вооружая своих «воспитанников» знанием того, что думает и говорит противник (а такое знание дается

лишь путем изучения подлинника)? В-четвертых, — и это главное, — разве так бывает только с книгой Преображенского? Так бывает часто с любой книгой, с любым делом. Возьмем ли кружок политграмоты или собрание, клуб, школьный класс, — везде вы найдете множество руководителей, заведующих, работников комсомола и т. д., и т. п., которые *говорят* о заветах Ленина, а *делают* по «завету» одного из Горьковских персонажей, у которого был свой излюбленный девиз:

«Шаблон — великое дело».

И уж так повелось, что политграмота — одно из самых «скучных» занятий, что на собраниях самый «скучный» доклад — политический (о «международном положении» и т. п.): такой доклад вызывает меньше всего вопросов, желания высказать свое мнение, т. е. меньше всего вызывает *критический интерес* (интерес всегда критичен). Что же получается? В *объективном* «международном положении» происходят огромные сдвиги, борются классы, умирают люди (вспомните Литву!), в *объективном* «внутреннем положении» тоже борются классы, решают судьбы революции... А *субъективно* — в сознании многих членов класса и даже его авангардов — этот политический вопрос отражается, как «самый скучный». Нет ли здесь опасности того разрыва между развитием политической действительности и политическим сознанием класса, о чем говорилось в начале статьи?

И уж если кому уделить львиную долю ответственности и вины хотя бы за одну возможность появления таких тенденций, это — дешевке, шаблону, казенщине, бюрократии. Все они — родственники. И, право же, бюрократия так жарко заступает за дешевку, что начинаешь поневоле думать: а не приходится ли первая второй не сестрой, а матерью?..

Вся эта почтенная семейка не может организовать политического сознания класса. Она может только дезорганизовать его. Ибо, «пичкая» класс киселем, отучая его мыслить критически, развращая дешевкой, такими «методами» можно только разоружать политическое сознание класса, тем самым разоружая класс. История жестоко карает руководство за такие «ошибки», за малейшее идейное разоружение, за малейшее снижение и размягчение политического сознания. Как же карает история?

Это не есть тема данной статьи.

„Культурничество и политика“

Эти слова взяты в кавычки потому, что под таким наименованием идет сейчас спор в комсомоле. Однако, наименование это не вполне отвечает существу спора; точнее было бы так: «Культурничество» или «политика», потому, что противники «нового» курса, принимаемого комсомолом (на широкую культурно-общественную работу), ставят вопрос именно так: или политика, или культурничество. Сторонники «старого» курса полагают, что политическую работу можно вести только политическими же средствами (узкополитическими), что, иными словами, политическое сознание класса и его авангардов следует укреплять и развивать исключительно в специально-политических формах, а не в культурнически-общественных.

В чем опасность этой «ограничительной (безусловно бюрократической) теории»?

Главная опасность — в возможности *разрыва* между «культурничеством» и политикой. Разрыв означал бы, во-первых, выпадение «культурничества» из орбиты политического руководства. Разрыв, во-вторых, означал бы невозможность руководить не только культурничеством, но и самой политикой, ради которой хотят «махнуть рукой» на культурничество.

Что такое — «культурничество»? Передовой хозяин-комсомолец в деревне, старающийся личным примером, сочетаемым с пропагандой, толкнуть односельчан к технике, к кооперированию; борьба за квалификацию рабочего; война с хулиганством и половой распущенностью; борьба за товарищеское отношение к девушке и за активность этой девушки; споры о «гармошке», о Есенине и вообще литературе, шахматы, спорт и т. д. (перечислять нет нужды). Что это? Культурничество. Что же есть культурничество? *Культурничество есть организация масс на основе широчайшего охвата хозяйственно-культурных, общественных и бытовых вопросов.*

Есть ли организация масс политическое дело? Детский вопрос! Но эти азбучные истины приходится кое-кому разжевывать, и не всегда с успехом: сторонники «старого» курса проявляют в этом вопросе (как впрочем, всегда бывает со всеми сторонниками всякого «старого», изжившего себя «курса», со всеми противниками общественно-необходимого «нового курса») незавидную «твердокаменность» (чтобы не сказать хуже). Так, например, один из усердных «певцов» «старого курса», Ф. Л. Рабинович, полемизируя с Н. Чаплиным, писал («К. Пр.», № 4—490):

«Главная его (Чаплина—Г. Б.) ошибка заключается в том, что он предлагает культурно-просветительными средствами развивать политическую работу комсомола... Задачу поднять интерес массы к союзной работе как к работе политической, можно выполнить лишь политическими средствами... Культурнические формы работы нам необходимы, но не в комсомольской организации. Переход на рельсы культурнических форм работы грозит бы нам превращением из стального Ленинского Союза Молодежи в расхлябанную организацию мелкобуржуазного типа. Следовательно, эти формы работы мы должны отвергнуть и предоставить их не нашей организации. Контролировать извне мы их всегда сможем».

Прошу читателей извинить меня за эту длинную и скучную цитату, к тому же приводившуюся уже в печатной полемике. Но я вижу оправдание в том, что редко удается встретить столь «гармоническое» сочетание целой цепи ошибок в нескольких фразах. Во-первых, это разграничение: или культурничество, или политика; об этом мы уже говорили. Во-вторых, отделение комсомола от остальной массы: культурничество необходимо, но не у нас. А в партии? Тоже, надо полагать, не надо? Но партия—это миллион человек, и комсомол—два миллиона. Итог: трехмиллионная авангардная масса должна развивать свое политическое сознание одной политграмотой, вопросами международной политики, внутренней политики и т. д., но не выковывать его на станке культурничества.

Трехмиллионная масса должна замкнуться в узко-политических формах, обособиться от вопросов, волнующих остальную массу и заполняющих их жизнь, ибо Ф. Л. Рабинович считает, что культурничество, как метод политического самовоспитания авангарда, расширения его политического кругозора, оживления и активизации его политической жизни—негодный метод, пустячки. В-третьих, панический страх перед «потрясением основ», страх,

типичный для бюрократии, которая опасается всякого расширения работы, придания последней действительной массовости (что и достигается через «культурничество»), т. е., по существу, страх не перед расширением организации, а перед расшатыванием авторитета и власти тех, кто заведомо не умеет и не хочет руководить массовыми, пролетарско-демократическими методами и потому боится этих методов. В-четвертых, саморазоблачение: «контролировать извне мы всегда сможем». Мы не будем заниматься культурничеством, но контролировать его будем, т. е. будем руководить работой, не участвуя органически в ней. Да кто же вам даст руководить в таких условиях?! Масса не может и не будет терпеть руководство «извне». Авангард руководит классом, если живет слитной жизнью с ним. Иначе он перестает быть авангардом и перестает руководить. Кто этого не понимает, кто надеется одновременно и обособляться от массы, и сохранять руководство «извне», тот разоблачает свою бюрократическую сущность.

Таких «ошибочек» масса не прощает никогда!

Приведем еще одну цитату из Рабиновича: интерес к политической работе, говорит он, надо «поднять в рамках старых политических организационных форм, не цепляясь судорожно за новые и к тому же не политические формы».

Здесь — опять саморазоблачение: ясно, что тот, кто говорит таким паническим языком, на деле сам, действительно, «судорожно цепляется» за старые формы. И здесь величайшая опасность.

Произведем мысленно политический эксперимент. Допустим, что авангард, по рецепту Рабиновича, «уцепился» за одни политические формы самовоспитания. Тогда он, не участвуя органически в культурничестве, не сможет им политически руководить. Культурничество пойдет «само по себе». Что получится? Разрыв, т. е. культурничество не будет оплодотворяться политическим сознанием, политическим обобщением. Что это будет означать на практике? То, что в повседневной жизни, работе, строительстве не только масса в целом, но и авангарды не смогли бы «увязывать» это повседневное с сознательным движением к социализму. Средство было бы оторвано от цели. Комсомолец-крестьянин, например, изучал бы в ячейке политграмоту и «разрешал» бы политические вопросы, а во «внешней» жизни этот же «политический» комсомолец просто улучшал бы свое хозяйство, не заботясь ни о пропаганде своего опыта, ни о кооперировании и т. д. Какой-нибудь массовый шахматный турнир, или спортивный праздник, или конкурс гармонистов, — все это прошло бы, конечно, вне политического влияния авангарда (авангард в нашем эксперименте не участвует в культурничестве; а «извне» руководить нельзя).

Все это привело бы, во-первых, к тому, что дело организации масс (т. е. дело политическое) развивалось бы «само по себе», вне революционного политического руководства — и, значит, в конечном счете попало бы в чужие руки.

Это привело бы, во-вторых, к тому, что все эти «малые дела» не увязывались бы в сознании масс и их авангардов с единым великим делом строительства социализма. Было бы нарушено единство движения к социализму. Может ли социализм строиться «самоходом», автоматически, т. е. без участия массового сознания? Нет, движение к социализму есть процесс, во-первых, сознательный, и, во-вторых, массовый. Объективное должно сочетаться с

субъективным. Первое оплодотворяется вторым. Иначе, действительно, у нас получилась бы «эпоха малых дел».

Такой осознанной увязки «малых дел» с социалистической целью у нас часто нехватает. В прессе, например, мы сплошь и рядом читаем такие сообщения об успехах в области «малых дел», в которых (сообщениях) мы никак не можем отыскать элементов сознательной «увязки» этих малых дел с великой социалистической целью, с сознательно-познаваемым движением к социализму. Вот перед нами сообщение о том, что в Ленинграде (ф-ка им. Желябова) три ткачихи-комсомолки оказались лучшими «производственницами»—работали с высокой продуктивностью, без брака, без прогулов («К. Пр.» № 11—497). Вот «ответ» Московского Комитета комсомола на «вызов» газеты («К. Пр.» № 8—494); на фабрике им. Свердлова по предложению комсомолки достигнута экономия в 1500 р. в месяц; вообще на ряде заводов молодежь кладет почин многим улучшениям. В десятках номеров мы читаем об успевающих земледельцах-комсомольцах и т. д. Все это очень хорошо. Но чрезвычайно редко мы встретим анализ того, какой общественный (т. е. политический) эффект имели все эти факты (и в перечисленных сообщениях этого как раз нет): как отнеслась к этим фактам масса. Поднялась ли ее сознание? Увеличилось ли доверие к комсомолу? Последовали ли единицы или десятки людей из массы примеру передовиков? Дан ли толчок к кооперированию?..

Иными словами: способствовали ли эти «малые дела»—и если да, то как и в какой мере—организации масс? «Увязаны» ли эти «малые дела» в сознании их участников и в сознании массы с социалистической целью? Вот в чем *коренной* вопрос. Этого очень часто не увидишь из сообщений (и целых отчетов и статей), помещаемых в прессе. Но ведь пресса отражает действительность и организует ее.

С другой стороны, бывает и противоположный «уклон»: когда «малое дело» непомерно раздувается, когда небольшое дело, вполне рядовое на фоне достигнутого уже уровня и размаха, выдается за торжественное шествие к социализму. Так, например, однажды, в «Комсомольской Правде» был на первой странице помещен фельетон, повествующий об устройстве бани для рабочих одного трамвайного парка (№ 190—373). «Путь к социализму проходит, между прочим, и через ванну»—нарекал автор. «Баня перестроила *весь*¹ быт рабочего... и т. п. Во-первых, никто не поверит, что баня перестроила *весь* быт. Во-вторых, возьмем следующую аргументацию автора: «Ведь ванна—одно из условий культурного быта, а все, что укрепляет последний, приближает нас к социализму. Правильно, приближает, и чистая уборная приближает, всякий успех приближает,—это азбука. Но надо же понять, что нельзя «в честь» каждого такого фактика бить в литавры и трубить в трубы, потому что у нас не 1919 год с голодом и вошью, и мы теперь гораздо требовательнее к себе и к жизни. *Надо знать меру.* Если у человека не было ни гроша, да вдруг стал алтын,—тогда, конечно, можно «пошуметь» на всю округу. Но если у меня есть тысяча рублей и я заработал еще рубль—я, конечно, знаю, что этот рубль есть еще один шаг к миллиону (к которому я стремлюсь), но я не буду по этому поводу кричать петухом с высокого пьестала. Баня—хорошее дело, и быт перестраивает, и к социализму

¹ Курсив мой.—Г. В.

приближает, но это в 1927 году—рубль на тысячу, и мы об этой бане говорить будем, но *как* говорить? Со спокойным анализом и учетом, но не с истошным, казенно-ликующим воплем на весь мир. Ошибается конечно, тот, кто думает, что «баня есть баня», — неверно. Новая баня есть при рабочей диктатуре одна из тех копеек, из которых сложится богатство социализма. Но это разумеется само собой, и кричать о социализме по поводу каждого отдельного такого достижения, это значит умалывать действительные огромные трудности движения к социализму.

* * *

Но, на ряду с извращениями, с разрывами между «малыми делами» и политической идеей эпохи, идет и другой процесс—процесс роста политического сознания масс, при чем этот рост очень часто происходит именно на основе «увязки» «малых дел» с «политикой».

Можно было бы привести множество примеров того, как политическая активность и дело революционно-политической организации масс пробивают себе пути в тысячелетиями спавшие людские пласты: это—признак величия нашей неповторимой эпохи, когда революция подняла на ноги миллионы тех, кто раньше знал только жизнь полуживотную и вполне рабскую.

Громадный неисчерпаемый заряд политической энергии таятся в разбуженных массах и, прежде всего, в рабочем классе и его авангардах. Но надо находить выходы и точки приложения для этой энергии. Иначе она пропадет зря, либо польется по ненужному руслу. Тот, кто боится массовых (в том числе «культурнических») методов выявления и организации политической энергии масс, тот, в сущности, вообще боится политической активности масс. За паническими криками о «расхлябанности» и т. п. скрывается желание не допустить полномасштабного осуществления политической активности масс, ибо она может быть осуществлена только на широких массовых путях.

Масса хочет быть активной, масса хочет жить большой политической жизнью. Самоеды, под ударами северных бурь, создающие орган общественного мнения, дальневосточные комсомольцы, строящие культуру и организующие помощь уэльскому шахтеру, московские пролетарии, в 1927 году рукоплещущие «Шторму» 18-го года, это — единая людская цепь, человеческий массив, движущийся от прошлого к будущему.

Нет, у нас есть малые дела, но наша эпоха — не эпоха малых дел. Мы живем в эпоху бурь... А политическая энергия, заложенная в умах и сердцах масс и *рвущаяся наружу, к делу*, разве это не могучий поток возмущенной революцией атмосферы, готовый до отказа наполнить наши паруса?

Пусть только будут для этой великой энергии найдены достойные пути, свободные от бюрократической опаски, слепоты и ограниченности. Тогда наши массы воочию покажут миру, что это за эпоха, в которую мы живем и побеждаем.

От Редакции Редакция с рядом принципиальных положений автора этой статьи не согласна. В ближайшем № «Ю. К.» будет помещен ответ Генриху В—ну.

Ф Е Л Ь Е Т О Н

И. ГУГУЕВ и Р. ВИКТОРОВ

Типы комсомольцев

Карьерист

Когда какой-нибудь паренек вступает в комсомол, то чрезвычайно трудно бывает в первое время определить: карьерист он или же не карьерист? Важнейший признак для карьериста — его внешнее, показное рвение; он настолько усерден по виду, насколько может быть вообще усерден человек; и кажется, что он вот-вот разлетится в кусочки от желания выполнить все решительно дела, какие только в природе существуют.

Но подобное ли рвение выказывают многие из вновь вступивших, независимо от того: карьеристы ли они или честные, преданные ребята или даже, так называемые, «ни бя, ни мя». Даже эти «ни бя, ни мя» способны на большие подвиги в первое время после вступления.

Будь у нас в организациях хорошо налаженная проверка исполнения, выделить карьериста из общей массы комсомольцев не представляло бы большого труда. Ибо, вернейший признак, по которому его можно отличить, это тот признак, что карьерист почти никогда не выполняет целиком всех порученных ему дел, и не только целиком, а даже и половины, а иной раз так и вовсе не выполняет их ни на одну ноту, — дела союза для него чужие дела, он их не принимает близко к сердцу и все усердие его исключительно показное.

Но, увы! Беда наша в том и заключается, что мы редко проверяем, если не сказать совсем не проверяем, выполнение заданий. Иной раз и возгоримся желанием поставить доклад тов. Икса о проделанной им работе в энном учреждении, куда означенный товарищ выделен представителем от комсомола; иногда такое усердие на нас найдет, что поставим на повестку дня три—четыре доклада различных представителей комсомола в различных учреждениях. Когда заинтересованные слушатели приходят на собрание, то на повестке дня вместо докладов означенных выше представителей сиротливо красуются одни лишь «текущие дела», — этот символ полнейшей беспомощности.

Предприимчивому молодому человеку очень легко отвертеться от доклада даже и тогда, когда доклад его поставлен в повестку дня. Для этого существует несколько верных путей: можно или сослаться на срочное заседание на стороне, или сказать, что неожиданно умер дальний родственник; этим умершим родственником можно отделяться бессчетное количество раз: получается нечто вроде ваньки-встаньки, который, как его ни пригни, все равно поднимается.

Карьерист всегда имеет свое определенное лицо: он необычайно вкрадчив и льстив. Конечно, не всякий человек, подходящий к начальству с комплиментом, есть карьерист: иной раз это какой-нибудь робкий забитый парень, которого сильно поковеркала жизнь, и у него уж как-то механически подгибаются колени при приближении к начальству, и язык его порет сладостную чушь. Но этот парень может и честным быть, он и сам себя ругает, отошедши от начальства, за дурацкий свой характер; такого парня почти всегда можно отличить по его простодушию, лезть его шита белыми нитками, она не искусство.

Но, если подает к вам на глаза человек, который будучи от вас зависим, ловко иной раз звернет словечко в вашу пользу, будто и невзначай, но весьма определенно польстит вам и будет изображать вашего союзника и будет вслух завидовать вам, будто бы, прекрасным качествам и способностям, — советуем присмотреться получше к этому человеку. Иногда он прикрывается маской этакого прямодушия и, глядя на вас, восклицает с грубоватой прямоотой, будто и в самом деле вам чистосердечно завидует:

— Ведь повезет же такому подлецу, вот вроде тебя! И работник хороший, и умен, и лицом красавец. А вот нашему брату!.. Эх!..

И горестно махнет рукой.

Да еще подойдет к кому-нибудь третьему присутствующему, и ему покажет на вас пальцем и опять повторит те-же слова. И с таким прямодушием скажет, что даже иной и неслепой человек возомнит о себе, после такой похвалы, может.

Именно в том его карьеристова и суть, что он льстит беспрепятственно и что лезть свою в чрезвычайно убедительную форму облечь умеет. Просто волей-неволей улыбнется польщенный человек и даже, этак, грудь расправит, и даже плечами поведет и даже, если имеется у него три волосинки на верхней губе, то и волосинки эти с сознанием собственного достоинства подергает.

В том-то и беда, что начальство наше комсомольское—народ в лезти по большей части неискусшенный; все за чистую монету принимают. Ни Гоголя-то наше начальство не читало, ни Салтыкова-Щедрина, ни прочих. Можно ли простому человеку от станка разобратся во всяких словесных изворотах, которые преподносит умелый льстец? Доклад-ли сделает начальство на собрании, — льстец и тут свое слово вставит (ах, какой же доклад, курицын сын, закатил, умеют же люди!), статью ли начальство напишет, — и верный льстец опять-таки не меньше, как с Лениным автора статьи сравнивать будет, и глаза закатывать в восхищении будет, и языком цокать будет.

Как же не полюбить такого человека, как не оценить его, если он к тому же и в баню-то с начальством пойдет, и спину-то начальству потрет, и как умильно смотреть будет, — точно облизать начальство с ног до головы хочет. Не успеет заикнуться начальство: «ах, папирос нет, забыл купить», как уже герой наш хоть на Северный полюс готов за папиросами бежать. И вообще всякую услугу оказать может: хоть кухарку заменит, хоть полотера, ему все единственно.

И на каждом собрании, как только встанет вопрос о какой-нибудь работе: о руководстве-ли кружком, о занятиях-ли с пионерами или еще о чем, человек этот будет добиваться, чтобы работу поручили именно ему, а не кому-нибудь другому. И работу ему поручают на одном собрании, и на другом и чуть-ли не на каждом.

Так что, когда приходится начальству, хотя бы скажем, секретарю ячейки, писать отчет в райком, то ему вдруг становится ясным, что всю работу фактически ведет не ячейка, не он, секретарь, а именно тот самый товарищ Икс. И что, следовательно, ячейка даже как бы и лишняя, а он, секретарь — нечто вроде бесплатного приложения к тов. Иксу.

Не всякое начальство, конечно, «обрабатывает» карьерист посредством лесты. Иногда начальник попадетя суровый, деловой, к лесты вовсе не расположенный, в какой бы она форме ни преподносилась, одобряющий только деловых и грамотных ребят среди комсомольцев. Но при всем этом опять-таки редко бывает, чтобы сам начальник как следует грамотным был. Частенько и сам-то исторический материализм с магнетизмом смешивает. Естественно, что, обладая такими сбивчивыми познаниями, начальник всегда чувствует облегчение, когда сказавши слово, слышит вдруг, что кто-нибудь ему поддакнет: да, да, мол, совершенно верно! Даже бодрости это поддакивание придает, даже красноречие откуда-го вдруг появляется — и оратор уже вдохновенно гремит, он уже не какой-нибудь там секретарь ячейки, а трибун! И тут опять надо ему поддакнуть, но с подъемом, с восторгом этаким, с удивлением: Саввириенна веррна! Ах, как верно!

И когда он кончит речь, то нужно встать и выйти на середину и даже как бы немного с ним не согласиться, а именно, что, дескать, 10-й съезд партии закрылся не ровно в 8-мь часов, а в 8-мь и 5-ть минут, но, что это, мол, не особенно важно, так как в общем и целом вопрос, дескать, поставлен правильно.

Без всякой лесты следует сказать, и даже сурово, а если позволит голос, так даже и басом сказать. И даже на счет того можно присовокупить, что особенно прав оратор тогда, когда он восклицает: «Да здравствует союз рабочих и крестьян!». Ибо как раз эти слова произнес, мол, достопочтенный секретарь нашего райком-парта тов. Кошкин-Ложкин при закрытии партсобрания в воскресенье.

Таким порядком, наш тов. Икс может и от сурового секретаря благорасположение заслужить, хотя бы тот и не любил лесты. Тов. Икс будет стараться почаще показываться этакому начальству на глаза и, пользуясь его, начальства, безграмотностью, — говорить всякую чепуху, выдавая весь этот вздор за подлинные слова Рыкова или Энгельса. Да и подкопаться особенно нельзя, ибо даже в Институте Красной Профессуры немногие товарищи знают всего Энгельса *наизусть* и даже с уверенностью можно сказать, что никто не знает, да и почему именно знать, говорил ли Энгельс: «бей капиталистов!», как утверждает товарищ Икс или не говорил, — слова неплохие, возможно, что и говорил.

И поэтому товарищ Икс входит, как говорится, в моду; к его словам начинают прислушиваться все окружающие, не исключая и начальства.

Самое трудное для карьериста — это изучить характер своего начальства, узнать его слабую струнку и на ней сыграть. Надо отметить, что он предпочитает иметь дело, главным образом, с начальством, что же касается массы, скажем, ячейки, в полном ее составе, то разговоров с ней он старается избегать; притом же в ячейке он обычно, на хорошем счету по случаю своей большой нагрукки. Когда-же ячейка, несмотря на все увертки, заставит-таки

его отчитываться на собрании в выполнении этой нагрузки, то даже и прижатый к стенке он сумеет повернуть все дело так, что сами слушатели от его отчета откажутся. А именно: начнет вдруг этот свой отчет анализом международного и внутреннего положения республики и до тех пор будет анализировать, пока среди слушателей не поднимется молчаливая паника; в тихом ужасе начнут они покидать зал собрания, с быстротою крыс, убегающих с парохода перед его крушением, говоря при этом очень уныло: оно и рад бы послушать, да словаря не захватил. Пойду за словарем схожу!

Никто, конечно, не является на собрание вторично, и оратор с удовлетворением кончает свой доклад.

Между прочим, в частной своей жизни герой наш отличается тем, что охотно обещает всякому и каждому исполнить любое поручение или какую-нибудь просьбу; и даже будет божиться и давать честное ленинское слово, что исполнит это вот в такой-то именно час, а в результате все оказывается враньем, и он не исполнит даже десятой доли того, что обещал. Пусть даже это будет книга, какой-нибудь учебник политграмоты, который он вам пообещает принести, но потом окажется, что не только *вам* не принесет этой книги, но что и *сам-то* он ее отроду не имел. Или на какое-нибудь маленькое домашнее собрание, читку, обсуждение к товарищу пообещает притти,—безнадежное дело! Прихода его не дождешься. И досаднее всего то, что чаще всего сам он навязывается сделать вам одолжение; никто его об этом не просит.

Следует оговориться: притти он все-таки может, но только в том случае, ежели рассчитывает при вашей помощи обделать какие-нибудь свои шкурные делишки. Тогда он придет и действительно будет участвовать во всех разговорах, перевирая, по мере своих сил, не только все существующие, но даже еще и не народившиеся учения, взгляды, теории и т. д.

Надо вообще отметить это качество у нашего героя: он дыхнуть не может без цитаты, он обязательно должен кого-нибудь цитировать для придания себе пушнего веса.

Но ведь даже самый ученый, самый умный и самый развитый комсомолец не в силах удержать в своей голове дюжинами самые разнообразные цитаты из различных авторов. Даже и тогда удержат в голове не может, если он действительно этих авторов читал; по этой-то причине редкий из грамотных комсомольцев разбрасывается цитатами. Герой же наш, в виду многообразия своих занятий, которые заключаются в том, чтобы всюду поспеть и всюду дать заметить свое присутствие, — герой наш и читать-то ничего не читает, ему физически некогда заниматься наукой всерьез. Надо сразу в десяти местах показаться: и у начальства, чтобы сказать комплимент, и в какого-то комсомольца, который лишь недавно отозвался о нашем герое с неодобрением, и поэтому герой наш счел, что этого парня нужно «замаслить», и тотчас же летит к нему на квартиру.

Герою нашему важно лишь подметить какую-либо слабую струнку в характере человека: и вопросы-то он будет задавать этикие наводящие, выспрашивать как будто невзначай; помимо того мастер он и реплики подавать, которые походят на мычание, трудно определяемое: отрицательно ли относится к речи наш герой или же наоборот, одобряет ее, согласен с ней. И подметит-таки слабую струнку и вмиг человека обработает.

А учиться ему безусловно некогда, хотя и кладет герой наш в комнате своей обязательно на видном месте какую-нибудь серьезную теоретическую книгу, хотя бы даже и «Капитал». И даже первую страницу всю, как есть, карандашом исчеркает, исчеркает, знаков понаставит: вопросительных, восклицательных, примечаний всяких, — будто и в самом деле работает. А между тем буквально строчки в этой книге не прочел. Она и не разрезана даже, и карандашные надписи при ближайшем рассмотрении оказываются к делу вовсе не относящимися.

Герой наш всегда полагается на неграмотность своих слушателей, рассуждая совершенно справедливо, что, если когда-нибудь и попадет в такую компанию, где есть люди порядочно читавшие на своем веку, и что, если и начнет в этой кампании переверять всех авторов, от Томаса Мора до Ленина, то не всякий, даже и грамотный, заметит, что это вранье, а если и заметит, то не всегда скажет — народ этот грамотный в большинстве застенчивый, вежливый.

Благодаря своей юркости и оборотливости, да еще благодаря постоянным цитатам может наш герой прослыть даже и умным и знающим человеком. Неграмотны мы сами, и если видим, что человек говорит о чем-нибудь уверенно, не смущается, режет напрямик, значит и выводим отсюда заключение, что он на зубок этот вопрос изучил, что он знающий парень. Иногда и попробуешь усомниться — на смех поднимут: и сам оратор, и среди товарищей достаточно найдется охотников поготовать. Вот герою нашему по этой причине и раздолье: очень скоро может прослыть умным человеком, а ведь умственный-то багаж его, легче носового платка — каких-нибудь десяток иностранных слов, какие иной раз чорт знает что и значут.

Бывает иной раз и так, что окружающие, пораженные всезнайством нашего героя и, естественно, ему не доверяя, начинают копаться в книгах, с целью уличить его, с целью свои знания расширить. И в скором времени он — неуч, вдруг начинает проваливаться раз-за-разом со своими цитатами. Его осаживают на каждом шагу, не успеет он соврать, как ему уже указывают на это и над ним начинают смеяться. Через некоторое время он становится всеобщим посмешищем, синонимом брехуна; других луинов уже упрекают в посягательстве на его лавры: «и вы, мол, хотите научиться брехать, как такой-то Икс?»

Но это продолжается недолго, ибо юркость, приспособляемость характера не позволяют долго карьеристу пребывать в униженном состоянии. Потерявши свою популярность как «теоретик», он вдруг не в шутку берется за какую-нибудь практическую работу. Безразлично, что это будет за работа: если в деревне, то скажем, посадит у себя во дворе какую-нибудь там репу, и одно знай, будет ее поливать; если на заводе — спохватится вдруг, что года два тому назад ему поручено было ичейкой собирать интернациональный пяточок, и — хотя время давным-давно прошло — принимается за сбор денег.

И с этих пор он уже начинает выступать в качестве «практика», а именно всякий раз, когда ребята примутся со смехом вспоминать его былые грехи, он с этакой солидностью вдруг заявляет:

— Смейтесь, смейтесь, а мы будем дело делать. Занимайтесь теорией сколько угодно, а без практики далеко не уедете. А мы потихоньку будем делать свое маленькое дело!

И даже трогательно, притворщик этакий, речь свою произнесет. Даже с дрожанием в голосе, так что поневоле всякий слышавший задумывается: а что, мол, действительно он прав? И с тех пор прекратит свои насмешки и даже станет относиться к герою нашему с некоторым уважением. За ним другой, третий. Этого-то только наш герой и добивается, больше ему ничего не надо, репутация его восстановлена, и он немедленно бросает поливать свою репу, если это в деревне, или собирать пяточки, если в городе, и, переждавши немного, начнет высказывать уверенные суждения на каждом собрании и вообще во всяком месте, будет говорить не-сморгнувши глазом, но уже не о теории, а о практике. Он уже специалист, за каждым словом присовокупляет «мы—практики», ему уже известно, сколько и каких семян нужно высевать на десятину, а именно, столько-то и столько-то; когда-же знающие люди начинают возражать, что дескать, от роду такого количества не высевали и что ни книгами, ни практикой такое количество не рекомендуется, он сейчас-же этак снисходительно усмехнется, пожурит своих оппонентов и скажет, что он сам проверил это на практике, когда был там-то и там-то, а помимо того, ему будто бы говорил об этом известный профессор Пузиков. При этом он, конечно, с охотою допускает некоторую неточность и говорит, что вообще, мол, в мире нет ничего точного, а все только относительно. «Смотря, мол, в какой губернии сеять,—говорит он своим оппонентам,—вы в какой губернии сеяли?». И опять-таки соплется на известного профессора Пузикова. Откуда же ячейке знать, что такого профессора вовсе и не было никогда, что он и не родился даже, ячейка этого не знает и верит нашему «практику».

Абсолютная безграмотность и нежелание учиться толкают нашего героя еще и на другие подвиги. Для него главное, это доказать особенную свою «революционность»: вот смотрите, мол, насколько и прелан, а вы еще меня не цените и т. п. и т. п.

С этой целью он всегда выступает с какими-нибудь дикими идеями, но обязательно окрашенными в ультра-революционные цвета. Например, в один прекрасный день он вдруг делает на собрании доклад о том, что вот он, дескать, думал-думал сегодня ночью, даже сна лишился, — и пришел к выводу, что дальше невозможно терпеть религию в советской республике. Нужно, по его мнению, немедленно отделить церковь от государства и с сегодняшнего же дня повести с религией решительную борьбу. А именно, нужно огородить, мол, церковь колючей проволокой в человеческий рост или же поставить своего сторожа у входа, который брал бы с каждого входящего 5 рублей.

И отстаивать это предложение будет, что называется, с пеной у рта, ногами стучит, багровеет весь.

Понятно, что в большинстве своем предложения его настолько неисполнимы, что комсомольцы и в разговор-то с ним не входят, а сейчас же кричат: «слезай, довольно». Но бывает и так, что найдется у него два—три единомышленника, и тогда уж у героя нашего своего рода «партия», он уже говорит «от имени», он уже гремит и протестует. Вообще—«греметь» откуда-нибудь с трибуны, покрасоваться, сделать жест, это—специальность нашего героя, он пользуется для этого всякой попавшейся возможностью: если это похороны, он выступает, если красная свадьба, он опять-таки выступает, если кого-нибудь судят, то он и здесь обязательно выступит, и даже, если суд будет не «всамделишный», а только показательный,—все

равно он будет требовать высшей меры наказания, и ни капельки меньше. И при этом он всегда высказывается, если не от имени всего рабочего класса, то от имени ЦК или Совнаркома. Упаси бог, если кто-нибудь попытается в этот момент выступить с возражением! Герой наш испепелит его молниями своих слов, выставит его злостным контрреволюционером, не подчиняющимся директивам ЦК, Совнаркома. И подумает, за что изругает человека: за то, что тот отстаивал, например, право комсомольца на ношение галстука.

Герой наш направо и налево демонстрирует свою «революционность», так что иной раз окружающие серьезно убеждаются в его преданности, частенько и с одобрением похлопывают его по плечу и даже шепчут новичкам, показывая на него пальцем: «Честный парень, да вот беда: горячка страшный! Нонавидит всякую гидру».

И новичок, после этих слов преисполняется к герою нашему уважением.

К чему же стремится карьерист, какие честолюбивые замыслы таит он в своем осмотровом мозгу? Предел его желаний установить почти невозможно, ибо он не закрывает себе путей даже и к креслу председателя Совнаркома, не говоря о том, что твердо уповая попасть в числе членов Цекаммола. Надо сказать одно: какие бы выборы ни происходили и где бы они не происходили, — герой наш уже мечтает попасть в число избранных. Как только начнутся среди ребят предвыборные разговоры, он становится лихорадочно возбужденным, перебегает от одной группы к другой и всякими косвенными и прямыми намеками старается дать понять, что вот, дескать, человека вы ищете, а сами-то и не знаете, что нужный человек тут же рядом, что это именно—я. Уж он и такой намек делает, что, дескать, вы только изберите меня, а там рассчитаемся. В бытке не останетесь. Если же видит, что компания подобралась «свойская», то прямо без всяких обиняков начинает тут же перечислять: какие именно барыши получит эта компания, если при ее помощи он очутится «у кормила».

Но и в том случае, он не потеряется, если наоборот, избиратели вовсе «не своикие», а требовательные будут по отношению к кандидату. Он тогда начнет перечислять свои заслуги, будет потрясать какими-то истрепанными документами, но с осторожностью, не отдавая их в руки и вообще не горячась и ничего не утверждая, а только будет намекать и, опять-таки, скромно намекает: что вот, дескать, он как будто и маленький человек, будто и незаметный парень, а не будь его при наступлении возле Перекопа, ничего бы Красная армия с белогвардейцами не поделала. Конечно, мол, теперь его геройство забыто, — и он головой поникнет и всем своим видом даст понять, что наплись, дескать, такие люди, которые его заслуги себе присвоили и тут же, с этакой бодростью, вдруг воскликнет: Ничего, мол, авось и нас когда-нибудь оценят! Будем делать свое маленькое дело!

И при этом, если имеется у него где-нибудь на руке или на ливоте шрам какой-нибудь, — обязательно выдаст этот шрам за следы боевого ранения и даже пощупать заставит каждого, пальцами пощупать, так что слушатель поневоле задумается: Действительно, мол, заслуги у этого парня не маленькие! К тому же и рана... и вообще...

Ведь, не знает же слушатель, что этот парень и в армии-то не был и рана-то у него не в славном бою, а просто в драке получена или, например, через укушение бешеной собаки.

Герой наш претендует на любую должность, лишь бы только она сулила некоторую выгоду. Он ни перед чем не остановится: если для того, чтобы попасть «на пост», нужно будет сместить лучшего друга, он и на это пойдет. Сразу же примется распускать про этого своего друга всякие мерзкие слухи, заварит склоку.

Неустанно герой наш борется за портфель.

В предвыборные времена он становится этаким «славным», «кампанейским» парнем, соберет вокруг себя компанию, с удовольствием анекдотик расскажет, одного по плечу похлопает, другого пальцем в живот ткнет, третьему скажет: «Ишь грудища-то», и вместе с тем, не позабудет намекнуть, что вот, дескать, он даже с секретарем губкома в бане был. «Вот у кого бородавок, братцы мои!— Он прямо без меня купаться не мог». А с секретарем укома герой наш, оказывается, под одним одеялом спал: красное такое одеяло, с розовой подкладкой и на вате.

— Хороший парень!— думают все.— И к тому же, вон какие у него связи! В бане был!..

И избирают его.

Но как только изберут, так он моментально изменяется. Не то, чтобы к компании подойти, а даже и по делу не всякого слушать будет, а, если и станет слушать, то беспрерывно понукая: «Ну, чего тянешь?! Короче! Скорей!»

И на лице у него покажется брезгливая, этакая, гримаса. А если присутствует при этом кто-нибудь третий, герой наш и ему на просителя с брезгливостью пальцем покажет и плечами пожмет: «Ничего, мол, не поделаешь. Приходится разговаривать».

Ведь, даже и среди карьеристов своя иерархия есть, своя «лестница»: бывает карьерист ячейковый, бывает «районного масштаба» и т. д. и т. п.

Есть среди них шушера, мелочь: иногда, скажем, цель всей жизни заполучить «наган» и носить его на боку открыто, даже без кобуры, чтобы видел всякий, в том числе и личный враг нашего героя и его «девочка», перед которой он вертится, как петух.

Иной, например, заведет себе блок-нот с таким вот штампом в левом углу:

С. С. С. Р.

село Березовка

Ц. К. В. Л. К. С. М.

т. Федькин

член ВЛКСМ с 24 г. № 5865

член Аванжима № 1184

член МОПРа № 745

член Об-ва «Друг Детей»

член Президиума Торжеств.

Засед. происходивш. в 1921 г.

в Энском клубе по случаю отъезда завклубом т. Чашечкина.

..... 192 . . .

Иной же—старается получить какое-нибудь распорядительское место, где можно было бы «стоять и не пущать», кричать на публику, «осаживать», «арестовывать» и т. д.

Но опасность именно в том и заключается, что из союза быстро выбывает только глухой, мелкий карьерист; карьериста же с умом, верного, осторожного, не так-то легко разоблачить. Он и друзьями-то влиятельными обзавестись сумеет: не успеешь оглянуться, а у него уже в каждом мало-мальски нужном учреждении знакомец есть, друг и приятель. Ему уже стоит только звякнуть по телефону какому-нибудь Ивану Ивановичу,—и Иван Иванович подружески даже «машину» пришлет на часок-другой. Уже герой наш и в театр-то иваче, как в ложу, не ходит: и опять-таки контро-марки ему некий Петр Петрович бесплатно достает, в виде дружеского одолжения.

Всюду будет слыть герой наш за дельного нужного работника и быстро «пойдет в гору». Откуда-то вдруг загадочным путем в убогой прежде его квартире появляется вдруг такая шикарная обстановка, пианино, и на нем самом—только-что сшитый щегольский костюм. Уже у него библиотека во столько-то томов и ванная комната.

Теперь уже если случается делать доклад, то он разбивает его на пять частей и в каждой части содержатся пункты: а, б, в, г,—и остальные, вплоть до ижицы.

Оградно посмотреть, когда на каком-нибудь собрании, где об-суждается, скажем, вопрос об отчислении в пользу английских углокопов, явит он вдруг пример высочайшего гражданского мужества, а именно—целиком все свое жалованье пожертвует. Целиком—окружающие прямо-таки благоветь начинают перед таким человеком. Правда, когда сборщик приходит в кассу получать пожертвованное жалованье, то оно оказывается уже полученным за 3 месяца вперед; иной раз сборщик и скандал нешуточный устроит, раскричится, жуликом героя нашего обзовет, но и не всякий сборщик—иной смолчит.

Из такого карьериста в конце концов вырабатывается то, что обычно принято называть «бюрократом». Здесь и кончается наша задача по отношению к карьеристу, дальнейшая его судьба будет уже судьбой бюрократа, а о бюрократе придется говорить особо.

От Редакции. Редакция вынуждена оговорить, что тип комсомольца-карьериста, нарисованный автором данного фельетона, в значительной степени утрирован, а местами даже надуман.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДА МОЛОДЕЖИ. Сборник статей с предисловием экономкоммиссии ЦК ВЛКСМ. «Вопросы труда». 1926 г., 119 стр. Цена 1 р. 50 к.

В сборнике собраны обработанные в виде статей стенограммы докладов, читанных на 1-м всесоюзном совещании представителей ВЛКСМ в органах Наркомтруда.

Какие задачи стоят перед комсомолом в области регулирования труда молодежи?

«Мы должны всячески стремиться к тому, чтобы процент подростков (занятых в промышленности.—А. Г.) был выше применяемого сейчас. Мы должны сказать совершенно определенно и ясно, что для рабочего класса лучшей школой воспитания, лучшей формой дисциплины являются фабрики и заводы—государственная крупная промышленность. Весь рабочий класс здесь получил классовое и политическое воспитание, получил свою культуру. *Наша задача заключается в том, чтобы втянуть по возможности больше молодой рабочей силы в нашу государственную промышленность, ибо она здесь получит действительное классовое воспитание, здесь она пройдет свою политическую школу.* Другой школы мы не придумаем, другой школы нет для рабочего класса».

Мы целиком согласны с тов. Шмидтом, что очередной боевой задачей комсомола, органов труда и профсоюзов будет изыскание возможностей по облегчению доступа в промышленность новым слоям подростков, особенно переростков, положение которых наиболее тяжелое. Подрастают новые кадры людей (дети рабочих), а квалификации они не имеют, не заняты каким-либо общественно-полезным трудом. На биржах труда зарегистрировано до 150.000 безработных подростков. Вместе с переростками подростки составляют чуть ли не половину безработных, учтенных биржами труда.

Число безработных подростков велико. Положение многих безработных — плачевно. Нужно хотя бы наиболее нуждающимся оказать реальную помощь: посылкой по броне и сверхброне на фабрики и заводы, оказанием материально-трудовой помощи, посылкой в трудколлективы и выдачей пособий по безработице. Последняя мера должна охватить более широкий круг безработных подростков. Попутно нам нужно пересмотреть список вредных работ, куда подростки раньше не допускались.

Не говоря о броне подростков, которая должна быть заполнена на все 100% по каждому предприятию, нам предстоит расширить посылку переростков по сверхброне для обучения их квалификации. Положение переростков особенно тяжелое, и сверхброня должна распространяться на них в первую очередь. Сохраняя тем самым существующее законодательство о юношеском труде, контролируя его проведение, особенно в частных, арендных и концессионных предприятиях, мы должны расширять сеть школ фабрично-заводского ученичества, как единственную базу реорганизации труда молодежи на социалистической основе.

Наша задача состоит в том, чтобы, расширяя сеть школ ФЗУ, принимать меры к их удешевлению, путем рационализации производственного обучения, выработки школами производственных заказов предприятия, сокращения—в пределах целесообразного—общеобразовательных программ, сроков обучения и т. п. Однако, и другие виды повышения производственной квалификации должны нами развиваться: индивидуальное и бригадное ученичество, профтехкурсы и краткосрочные курсы,—все эти формы обучения принесут несомненную пользу нашей молодежи.

В отдельных статьях сборника встречаются спорные и не совсем верные положения. Об одном несогласии в оценке ФЗУ, данной тов. Гиндиным, нас предупреждает предисловие. Автор статьи «Борьба с безработицей среди молодежи» т. Гиндин считает, что «связанность фабзавученичества с дорогим оборудованием, с необходимостью новых станков делает невозможным массовое развитие фабзавученичества» (курсив всюду наш.—А. Г.). «При этом — говорит дальше автор,—необходимо указать, что и сама система фабзавученичества является не вполне совершенной. Мы считаем, что в условиях роста нашего хозяйства, фабзавученичество—в том состоянии в каком оно находится теперь—это слишком дорогая для нашего экономического благосостояния система подготовки квалифицированной рабочей силы».

«Исходя из того, что срок обучения длинен, что система фабзавученичества несовершенна, что ученики слишком загружаются общеобразовательными предметами, которые важны в условиях нашей безработности, но которые все-таки должны быть отделены от производства,—при этих условиях мы считаем, что фабрично-заводское учени-

чество должно быть видоизменено».

«На ряду с фабрично-заводским ученичеством (речь все время идет о ФЗУ.— А. Г.) следует обратиться к другим формам обучения, которые на практике оправдали себя, как-то: бригадное ученичество, индивидуальное ученичество, система краткосрочного обучения».

Читатель сам поймет ошибочность взглядов автора. Если продолжить его мысль до логического конца, то можно так «сдвинуть с мертвой точки дело обучения», что ни одной школы ФЗУ в современном виде не останется. Но это дело сезональное. Нельзя в наше время подготовку квалифицированных рабочих рассматривать только как хозяйственную задачу вне связи с подготовкой культурного классово-воспитанного рабочего. С точки зрения подготовки нужного пролетарскому государству и промышленности рабочего, школы ФЗУ являются пока единственно целесообразной формой. Для нормальной работы промышленности нужны хорошо обученные и классово-воспитанные рабочие, а для подготовки таких рабочих надо потратить средства.

Насчет новых станков и дорого стоящего оборудования мы взглядов топ. Гиндина совсем не разделяем. Обратимся к фактам: многие крупнейшие фабрики и заводы Ленинграда оборудовали учебные мастерские новейшими и усовершенствованными станками. Это и правильно. На «старых калосах» хорошего рабочего не подготовишь. Хозяйственники сами это поняли и проявили инициативу приобретения станков, сконструированных по последнему слову техники.

Недостатки, имеющиеся в работе школ ФЗУ, при помощи ВЛКСМ изживаются. Сокращаются сроки обучения, удешевляется их стоимость, уменьшается общеобразовательная программа школ и т. п. Однако, это ничуть не означает, что комсомол думает «коренным» образом видоизменить школы ФЗУ. Это лишь шаги, рационализирующие постановку дела в них.

Наконец, о бригадном и индивидуальном ученичестве. Как мы понимаем, тов. Гиндин предлагает сделать упор на развитие этих видов ученичества. Конечно, в данное время без индивидуального и бригадного ученичества не обойдется. Но мы все же считаем эти формы подготовки квалифицированных рабочих наименее совершенными и наиболее отсталыми по сравнению с ФЗУ. Там, где невозможно организовать школу ФЗУ (мелкие предприятия, специфические профессии и т. п.), мы проводим индивидуальное и бригадное обучение. Однако, и в этом случае мы держим курс на районные школы ФЗУ.

Сборник имеет и другие недостатки. Он изобилует повторениями. Почти у всех авторов много общих и совпадающих между собой положений и выводов. Кроме того, сборник следовало бы оживить местным опытом, что было трудно, поскольку содержание было всеобщее. Выгодно отличается от других в этом отношении статья тов. Розовского «Ученичество в малой и кустарной промышленности». От сборника веет некоторой «академичностью», сухостью тона и изложения. На наш взгляд, давно пора изжить в нашей литературе подобный циркулярный стиль.

Все же, в свете очередных задач законодательного регулирования труда молодежи и экономической работы комсомола, сборник представляет полезное практическое пособие как для экономрабочников, так и для остальных комсомольских активистов, не могущих регулярно следить за всей литературой в этой области.

А. Горюнович

Henri Glass, — membre du conseil National et de l'Etat major des éclaireurs polonais —, «Le bolschewisme chez les jeunes». Warszawa, 1926 г.

ГЕНРИ ГЛЯСС, член ЦК и генерального штаба союза польских разведчиков.— «Большевизм и молодежь», Варшава, 1926 г.

Коммунистическое юношеское движение растет и расширяет свое влияние во всем мире. Его успехи не дают покоя буржуазным юношеским организациям; они лихорадочно ищут новые методы и средства для того, чтобы противостоять «коммунистической опасности» и ее «разстывающему влиянию» на молодежь. Они начинают изучать принципы, методы работы комсомола и его программу. Однако, наши противники не выдерживают характера беспристрастных наблюдателей и извергают по адресу коммунизма и его сторонников поток бешеной, но бессильной злобы.

Образцом такой жгучей, слепой ненависти к коммунизму и всему коммунистическому является изданная осенью 1926 г. в Варшаве небольшая брошюрка одного из вождей польских разведчиков (бой-скаутов¹) Генри Глясса «Большевизм и молодежь». Брошюра не предназначалась для широкого распростра-

¹ Бой-скауты являются крупнейшей буржуазной организацией для подростков в возрасте от 12 до 18 лет, насчитывающей несколько миллионов членов во всем мире, свою чисто реакционную сущность они прикрывают очень умелыми привлекающими молодежь методами работы.

нения. Она представляет собою материал для делегатов международной конференции бой-скаутов, состоявшейся в августе 1926 г. Поэтому открывает автор, поставившего себе целью не поверхностную агитацию, а «серьезное» обоснование необходимости борьбы с коммунизмом и его юношескими организациями.—являются для нас особенно интересными.

В начале Глясс в пессимистическом тоне констатирует, что

«существование и развитие коммунистических организаций среди молодежи представляет собою сейчас факт, который должны учесть все цивилизованные государства, если они не хотят подвергнуться неприятным для них сюрпризам...»

А скауты, продолжает Глясс, должны обратить особое внимание на это движение, поскольку комсомольцы *перенимают* «внешнюю форму скаутизма», но наполняют ее «содержанием, совершенно противоречащим принципам, которыми руководятся разведчики», поскольку молодежь легко поддается влиянию коммунизма, так как ей «легко доступны ненависть к высшим классам и материализм».

Обратить внимание скаутизма на грозящую ему и всей «христианской цивилизации» опасность со стороны коммунизма, разрушающего все «божественное, свободное и прекрасное», стремящегося свести человека «на уровень мыслящего животного», указать на необходимость решительной борьбы с ним.—такова задача, которую поставил себе почтенный автор.

Далее, брошюра, на основании «официальных большевистских изданий» (вроде «Календаря Коммуниста» за 1925 год, устава РЛКСМ, брошюры Г. Зиновьева «КИМ и его задачи»), излагает, так сказать, идеальные основы большевизма и коммунизма.

Установив, что «как доктрина, коммунизм похож на многие другие учения», автор ставит перед своими читателями вопрос—законы, однако, его результаты в практической жизни? И тут на голову читателя сыплются авторитетные утверждения, что

«равенство (в СССР — С. Ш.) существует только по отношению к смерти, которой легче достигнуть, чем хлеба. Братство стало пустым словом среди убийств, грабежей и насилий всякого рода. Мир превратился в непрерывную войну... и т. д. и т. д.: Достаточно полугав читателя ужасами большевизма, Глясс приступает, наконец, к изложению положений коммунистического учения.

Но наиболее интересным является сопоставление принципов скаутизма и коммунизма:

Основные принципы скаутизма:

1) Любовь к богу, религиозная вера (независимо от вероисповедания скаута).

2) Любовь к родине, патриотизм, стремящийся поставить *интересы нации выше интересов любого класса, партии или личности.*

3) Ненарушимые принципы, как: *...уважение к чужой собственности; ...уважение к существующим властям и установленной иерархии.* Эти принципы... поддерживают христианскую цивилизацию.

А вот с другой стороны, принципы и цели коммунизма:

1) Господство разума над «предрасудками веры»...

2) ...разрушение всех основ национальной культуры...

3) Отрицание любви к ближним, являющейся одним из основных принципов скаутизма; развитие ненависти к высшим классам для своих секретных (?) целей...

4) Уничтожение всех этических, юридических и социальных принципов, на которых строится общественный порядок, установленный христианством.

Отсюда вывод:

«В задачи скаутизма входят не только борьба на внешнем фронте против коммунистического наступления, но и борьба на внутреннем фронте...» (из резолюции высшего совета польских разведчиков).

«Польские разведчики решили не оставаться нейтральными, а объединить свои силы для защиты родины и христианской цивилизации».

«Мы должны бороться за спасение наших братьев и сестер, которым большевики подставляют гнусную ловушку».

Этим сказано все. Мы знаем, что скаутское движение враждебно нам, мы боремся против него. Но все же благодарим вас, господин Глясс, за то, что вы первый раз открыто напомнили нам о необходимости усиленного внимания к своим противникам, о необходимости решительной борьбы со скаутизмом.

С. Шмерлинг

Книги, полученные для отзыва

«Молодая Гвардия»

Г. Григоров и С. Школов. Старый и новый быт, 181 стр. Ц. 1 р.

В. Фейгин. Оппозиционный блок, 48 стр. Ц. 25 к.

В. Колоколкин. Социальные корни оппозиционного блока, 96 стр. Ц. 40 к.

¹ Курсив всюду наш.—С. Ш.

- Л. Шацкий.* Германские союзники оппозиционного блока. 51 стр. Ц. 30 к.
- К. Розенталь.* Как партия проводит индустриализацию СССР. 54 стр. Ц. 35 коп.
- С. Розовский.* Молодежь в ремесленной и кустарной промышленности. 56 стр. Ц. 35 к.
- «Комсомольская Летопись» № 4.
- М. Гайсинский.* Февральская революция. 110 стр. Ц. 40 к.
- Общобразовательная самообразовательная работа. 76 стр. Ц. 35 к.
- Организация отдыха, досуга и развлечений деревенской молодежи. 78 стр. Ц. 40 к.
- К. Розенталь.* Политика партии в деревне. 56 стр. Ц. 30 к.
- «Молодая Гвардия» № 2.
- М. Тетерин.* Советская ячейка комсомола и улучшение госаппарата. стр. 92. Ц. 35 к.
- Госиздат**
- Е. Хлебцевич.* Изучение читательских интересов. 144 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Б. Аустин.* Американское хозяйственное чудо. 80 стр. Ц. 40 к.
- А. Кук.* Горняки не сдались. 32 стр. Ц. 6 к.
- И. Сталин.* Еще раз о соц-дем. уклоне. 189 стр. Ц. 35 к.
- А. Рыков.* Речь на VII пленуме ИККИ.
- Б. Томашевский.* Поэтика. 230 стр. Ц. 1 р. 10 к.
- Л. Троцкий.* Сочинения, т. XV. 600 стр.
- И. Матвеев.* В борьбе за новое жилище.
- Хестоматия по полит. экономии, т. II. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к.
- И. Мещеряков.* Крестьянство и революция. 140 стр. Ц. 85 к.
- А. Шаповалов.* В подполье. 256 стр. Ц. 1 р. 75 к.
- Бюллетень Госуд. Изд-ства № 1—2. Бесплатно.
- Бюллетень Госуд. Изд-ства № 3. Бесплатно.
- Бюллетень Госуд. Изд-ства № 4. Бесплатно.
- Ленин и ленинизм. Каталог. Бесплатно.
- Ленинана, т. Ц. 772 стр. Ц. 6 р.
- И. Разумовский.* Курс исторического материализма. 538 стр. Ц. 3 р. 80 к.
- К перевертам советов. 80 стр. Ц. 20 коп.
- Черговь или изба-читальня. 48 стр. Ц. 20 к.
- В. Мологов.* О работе партии среди деревенской бедноты. 36 стр. Ц. 15 к.
- К. Петкин.* Восьмое марта. 31 стр. Ц. 12 к.
- Петрашевы. Т. II. 261 стр. Ц. 2 р. 20 к.
- Об оппозиционном блоке. 140 стр. Ц. 65 к.
- В. Ермилов.* Против мещанства. 76 стр. Ц. 45 к.
- С. Крылов.* Основные вопросы XV конференции ВКП. 84 стр. Ц. 40 к.
- Ю. Ларин.* Работа правительства. 62 стр. Ц. 15 к.
- А. Курелла.* ВКП и Ком. Интернационал. 31 стр. Ц. 10 к.
- Итоги работы и задачи профсоюзов. 63 стр. Ц. 30 к.
- С. Дингли.* Борьба крестьянства Индонезии. 112 стр. Ц. 90 к.

НА
1927
ГОД

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ДРУЗЕЙ РАДИО СССР

РАДИО ВСЕМ

Под редакцией А. М. Любовича,
Я. В. Мукомля и А. Г. Шнейдермана

НА
1927
ГОД

РАДИО ВСЕМ — является самым доступным научно-популярным радио-любительским журналом.

РАДИО ВСЕМ — на своих страницах дает полную информацию о всех достижениях науки и практики радио в СССР и за границей.

РАДИО ВСЕМ — освещает деятельность организаций и ячеек ОДР города, деревни и Красной армии, их достижения и достижения отдельных радиолюбителей.

РАДИО ВСЕМ — обслуживает интересы радиослушателей, обсуждая на своих страницах методы и программы радиовещания.

РАДИО ВСЕМ — приглашены лучшие научно-технические и литературные силы для участия в журнале.

РАДИО ВСЕМ — дает обилие чертежей и иллюстраций, четкую печать, хорошую бумагу и впредь обеспечивает регулярный выход номеров.

ВСЕ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ, внесшие одновременно всю подписную плату за год, **ПОЛУЧАЮТ**, по предъявлении подписной квитанции, во всех магазинах Госиздата РСФСР как в Москве, так и в провинции **СКИДКУ в 30% НА ВСЕ КНИГИ** издания ГОСИЗДАТА по вопросам РАДИО

У С Л О В И Я П О Д П И С К И :

На год — 6 руб.; на полгода — 3 руб. 30 коп.; на три месяца — 1 руб. 75 коп.; на месяц — 60 коп.; Цена отдельного номера 35 коп.

Для годовых подписчиков допускается рассрочка: при подписке — 2 руб.; не позже 1 марта — 1 руб. 50 к.; 1 июля — 1 руб. 50 к. и 1 сентября — 1 руб.

ТРЕБУЙТЕ ОТДЕЛЬНЫЕ НОМЕРА
во всех газетных и книжных киосках СССР

РАДИО ПОНЯТНО ВСЕМ
БЛИЗКО
ДОСТУПНО

Подписку направлять: Москва, Воздвиженка, 10, Отдел Подписки Госиздата, во все отделения, магазины и киоски Госиздата, а также во все почтово-телеграфные отделения.

Продолжается подписка на 1927 год
НА ЖУРНАЛ
**КОМСОМОЛЬСКИЙ
АГИТПРОПРАБОТНИК**

(бывш. «Комсомольская Учеба»)

орган Агитпропа ЦК и МК ВЛКСМ

«Комсомольский
Агитпропработник» —
необходим каждому агитпроп-
организатору ячейки, райкома,
укома

«Комсомольский
Агитпропработник» —
даст нужный материал для
работы политшкол, агиткол-
лективов, кружков текущей
политики

«Комсомольский
Агитпропработник» —
является необходимым посо-
бием комсомольск. агита-
гандистов, работ-
секций и т. д.

40/57 КН. КОМ. П. В.
ПОСТРОИТЬ
1927 г. 28. 12. 1927
январь

Подписная м.—45 к., 3 м.—1 руб. 25 коп.,
м.—2 р. 40 к., 1 г.—4 р. 70 к.

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО

В МОСКВЕ:

В Главн. Конторе Изд-ва «Моло-
дая Гвардия», Новая пл., дом 6/8,
через уполномоченных «Рабочей
Газеты» и через письмоносцев

В ПРОВИНЦИИ:

Во всех отделениях Издательства
«Молодая Гвардия», во всех отде-
лениях центральных газет и во
всех почтовых отделениях СССР